

Ф Р И Д Р И Х
Незнанский

~~МАРШ~~
ЧУРЕЦКОГО

РОССИЯ
ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Новый роман

УБИЙСТВО
ЗА КУЛИСАМИ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Убийство за кулисами

Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169359
Убийство за кулисами: АСТ, Олимп; Москва; 2006
ISBN 5-699-14703-9, 5-7390-1795-5

Аннотация

Криминал и искусство – вещи, к сожалению, порой неразделимые... Убита известная оперная певица. Единственный подозреваемый – наш бывший соотечественник, известный тенор, ныне гражданин США.

В расследование включается Александр Борисович Турецкий. Чтобы найти виновных, даже ему, знаменитому «важняку», придется изрядно потрудиться и впервые в жизни заглянуть за кулисы оперного театра и узнать то, о чем обычный человек и не догадывается...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	54
Глава 5	71
Глава 6	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Пролог

1 июня, 2005 г

– Что?! – Тарелка с салатом выскочила из пальцев Ирины Генриховны и очень удачно приземлилась доньшком на столешницу.

– А еще говорят, что бутерброд всегда падает маслом вниз! – фыркнул помощник генерального прокурора России Александр Борисович Турецкий и подмигнул жене. Супруга, однако, еще минуту назад приятно обрадованная тем, что муж в кои-то веки сумел заехать пообедать в родной дом, его веселья никак не разделяла.

– Что ты только что сказал, я спрашиваю?!

Сан Борисыч некоторое время довольно бессмысленно смотрел на нее, затем в приступе озарения хлопнул себя по лбу:

– Елки-палки! Я должен был сразу понять, что ты его знаешь... Типун мне на язык: сколько раз давал себе клятву не нарушать инструкцию и не рассказывать тебе о поступающих ко мне делах!

– Еще бы я не знала Юру Строганова! – Ирина Генриховна возмущенно стукнула кулачком по столу, отчего многострадальная тарелка снова подпрыгнула. – Его знают все, причем во всем мире! Да к твоему сведению, он не просто гениаль-

ный тенор, он... Он, если хочешь знать, на мой взгляд, куда талантливее Паваротти – вот!..

– Ну это ты загнула... – неуверенно вставил Турецкий и робко потянулся за вилкой.

– Что бы ты в этом понимал! – с горечью воскликнула его жена, всерьез страдавшая оттого, что муж абсолютно равнодушен к классической музыке, а значит, и к ее профессии тоже. Хотя на самом деле это было совсем не так: когда в конце прошлого года Ирина Генриховна, пройдя соответствующий конкурс, стала преподавателем знаменитой Гнесинки, Александр Борисович не только радовался, но и похвастался ее карьерным скачком перед своим давним другом Костей Меркуловым. Вот уж кто обожал классику вообще и оперу в частности – так это Константин Дмитриевич! Они с его супругой, кажется, не пропускали ни одной сколько-нибудь значимой премьеры, и Турецкий вполне обоснованно подозревал, что как раз по этой причине и легло на его стол сегодня утром дело об убийстве оперной примы Марии Краевой...

Правда, официальным основанием передачи его из Мосгорпрокуратуры к ним, в Генеральную, послужило то, что основной и на данный момент единственный подозреваемый в убийстве известной в России певицы оказался гражданином США.

Ирина Генриховна между тем расстроено покачала головой и, присев напротив мужа, вперила в него взгляд, которо-

му запросто могла бы позавидовать горгона Медуза.

– Нужно быть полным... ну просто полнейшим дубом, чтобы вообразить, что Юра способен на убийство, ясно тебе? – Для убедительности она постучала косточками пальцев по столешнице, хотя та была вовсе не дубовой, из обычной фанеры, обтянутой пластиком. – И я это говорю не потому, что Строганов поет, как... как ангел, а потому, что он и в жизни тоже ангел! Я знаю его не только по театру, я Юру знала еще до отъезда... Дай бог памяти... Да, он еще на четвертом курсе был, когда мы познакомились... Нет, даже на третьем!

– И как же вы познакомились? – подозрительно сощурился Александр Борисович, переставая жевать приготовленную женой отбивную и припоминая снимок подозреваемого, приложенный к делу: знаменитый тенор был, судя по всему, крупным мужчиной. Блондин, с мужественным, типично русским лицом – такие обычно производят на женщин глубокое впечатление... Особенно на женщин хрупких, каковой и являлась его собственная жена.

– Не будь идиотом! – непочтительно скривилась Ирина Генриховна. – Нас познакомил Аграновский, Аркадий Ильич. Юра, как и я до него, учился у нашего профессора... Слушай, не уходи от темы!

– Я и не ухожу, – обреченно вздохнул Турецкий и вернулся к отбивной. – И я совершенно не понимаю твоего возмущения: если Строганов невиновен, никто его не тронет. Раз-

беремся.

– Строганов невиновен, – твердо произнесла Ирина Генриховна. – Вот увидишь, Саня, даже если все эти ваши улики против него – все равно невиновен... Слушай, он что, в Матросской Тишине?! Да как вы...

– Уймись! – Александр Борисович наконец рассердился на жену по-настоящему. – С чего ты взяла, что он арестован? Под подпиской он и под гарантией своего консула... Ты, надеюсь, в курсе, что твой любимый тенор не только мировая знаменитость, но еще и гражданин Штатов?

– В курсе! И если бы ты тогда, два года назад, не ловил какого-то очередного своего бандюка, а поехал со мной и Меркуловыми на премьеру в Юрин «Дом оперы», он бы тоже сегодня был твоим любимым тенором! Даже таких безразличных к музыке людей, как ты, Строганов не оставляет равнодушными!

– Спасибо, я сыт. – Александр Борисович аккуратно положил вилку и нож на тарелку и поднялся из-за стола. – Ты ошибаешься, к музыке я не безразличен, у меня просто нет времени ее слушать – это во-первых.

– А что же во-вторых?

– Во-вторых, дело я получил только что, успел просмотреть – не более того. Ну и наметить сотрудников для оперативно-следственной группы... Есть и в-третьих: ты еще не забыла, кто у нас самый настоящий фанат этой оперы вашей и в частности – чтоб ты не сомневалась – Юрия Валерьевича?

ча Строганова, точнее, его, как ты выразилась, ангельского таланта?

Ирина Генриховна улыбнулась, а ее супруг продолжил:

– Правильно, вижу, ты уже поняла: мой непосредственный начальник Константин Дмитриевич Меркулов, навесивший на мою и без того отягощенную шею это дело. Подозреваю – с той же целью, с какой ты сейчас на меня наехала... Кстати, у Меркуловых дома – целая коллекция строгановских дисков, и, к твоему сведению, один из них я как-то слушал – запись концерта в Ла Скала...

– Вероятно, вынужден был слушать, неудобно было хозяевам перечить, – не удержалась и съязвила Ирина Генриховна. Но Александр Борисович благородно пропустил ее реплику мимо ушей.

– ...Должен сказать, впечатляет, хотя я, по твоему мнению, и тупой...

– Я так не говорила!..

– Но думаешь! И не спорь... Свое впечатление от строгановского голоса помню. Но если ты думаешь, что при этом следствие будет вестись необъективно, то восприму это со своей стороны как оскорбление! Все, мне пора – до вечера, радость моя!..

– Саня, ты что?! – Ирина Генриховна и сама поняла, что слегка перегнула палку, но не поняла, где именно. И, вскочив, бросилась вслед за мужем в прихожую. – Ты что, и правда всерьез разозлился?..

Александр Борисович молча надел туфли и, прежде чем выйти из дома, внимательно посмотрел на жену.

– Никогда на меня не дави, Ирка... – сказал он серьезно. – Никогда, договорились?

– Разве я давила когда-нибудь?

– Нет... За исключением сегодняшней ситуации... Ладно, не бери в голову, я сам виноват: не нужно было тебе рассказывать. Это я от расстройства – текучка заела, а тут еще Костя с этим вашим тенором подсуропил... Да и Краеву жалко, красивая женщина... была! А тебе ее что, не жалко?

– Очень жалко как певицу: прекрасное меццо, хотя она, похоже, успела достичь своего потолка...

– Ирка, ты что несешь?! – Турецкий даже рот приоткрыл. – Убили красивую и еще достаточно молодую женщину, какая разница, певица она или там уборщица?!

Ирина Генриховна слегка покраснела, но упрямо покачала головой:

– Ты знаешь, что она какое-то время с Валей в «Станиславского и Немировича-Данченко» работала?..

Валентина, ближайшая подруга Ирины Генриховны, до недавнего времени тоже пела в опере.

– Да. И что же?

– Ну она там полколлектива своими интригами едва в гроб не загнала! Одна молоденькая солистка всерьез пыталась на себя руки наложить из-за пущенной ею сплетни, между прочим крайне грязной... Ничуть не удивляюсь, что

ее убили! Из-за ее характера убить Краеву мог кто угодно!.. А уж как от нее Валентине досталось – и говорить не стану; можно сказать, именно из-за Краевой Валя и ушла на преподавательскую работу.

Турецкий посмотрел на жену с искренним интересом:

– Жаль, у меня времени сейчас нет, я бы тебя порасспрашивал подробнее... Дай-ка мне, кстати, Валин телефон, радость моя: я к ней кого-нибудь из ребят подошлю. А ты мне все расскажешь вечером... Пока!

И не успела Ирина Генриховна открыть рот, чтобы возмутиться намерению мужа «подослать» своих сыщиков к ее лучшей подруге, как Александр Борисович исчез со скоростью человека, опаздывающего на поезд, но не потерявшего надежду все-таки успеть.

Ирина Генриховна покачала головой и, вздохнув, двинулась к окну. Небо за стеклами было серым, низким и грозило вот-вот разразиться дождем – да не каким-нибудь «слепым» или грибным, а самым настоящим ливнем. Она задумчиво стояла и смотрела вниз на поблескивающую темными обтекаемыми боками машину мужа. Потом – на него самого, все на той же скорости вылетевшего из подъезда.

Ей вдруг вспомнилось, как в первые годы их совместной жизни Александр Борисович в таких вот случаях всегда, прежде чем сесть в машину, поднимал голову, смотрел на их окна и махал жене рукой... «А вдруг... – подумала Ирина Генриховна, – и сейчас он помашет?.. Нет, вряд ли... Что это

со мной? Вспомнила бабка, как молодой была?!»

Там, внизу, ее муж взмахнул пультом, снимая свой «опель» с сигнализации, и открыл водительскую дверцу.

«Размечталась!» – ядовито подумала о себе Ирина Генриховна.

Александр Борисович Турецкий именно в эту секунду поднял голову, улыбнулся и помахал жене рукой, прежде чем нырнуть в глубину салона.

– Мой супруг – абсолютно непредсказуемый тип! – произнесла она вслух и невольно улыбнулась.

Глава 1

Единственный подозреваемый

У следователя Мосгорпрокуратуры Алексея Федоровича Никонова на физиономии красовалась явная печать недовольства, хотя еще на пропускном пункте Турецкий выяснил, что ожидал он его не более пяти минут. Впрочем, понять его было можно: дело передано Генеральной по всей форме, можно о нем благополучно забыть... Так нет же, за чем-то «этот зануда Турецкий» вызывает его сюда лично. А у него и так работы невпроворот! Даже несмотря на то, что летом обычно кривая преступлений в Москве заметно идет вниз – видимо, и бандюки соблюдают отпускное время...

Помимо всего прочего следователь Никонов был молод... «Непозволительно молод, – подумал Александр Борисович и тут же спохватился. – Это не он непозволительно молод, это ты, Саня, широким шагом движешься к своему полтиннику! И посему впадаешь в брюзгливость – не вздумай!»

Прочтя таким образом самому себе краткую, но внушительную нотацию, Турецкий как можно приветливее улыбнулся Никонову и отпер дверь своего кабинета.

– Проходите, Алексей Федорович, извините, что задержался – пробки...

– Можно без отчества, – слегка порозовел его посетитель,

а Сан Борисыч незаметно вздохнул и кивнул. – Без отчества – так без... Присаживайтесь лучше в кресло, к журнальному столику. Кофе хотите?

– Спасибо, я уже! – У Никонова оказалась неожиданно широкая и веселая улыбка, прогнавшая и недовольство с его лица, и легкое напряжение, возникшее в первые секунды. – В деле что-нибудь не так?

– Да нет, что вы... Все так. – Турецкий тоже улыбнулся, устраиваясь напротив своего гостя. – Вы уж простите, что потревожил, просто мне хотелось услышать ваше личное мнение и о жертве, и о подозреваемом, и о свидетелях... Ну и об обстоятельствах убийства, конечно. Прежде чем к следствию приступим мы... Я обратил внимание, вами проделана довольно большая работа за короткий срок...

Алексей Никонов после этих слов почти расцвел и расслабился окончательно: еще бы, ведь его похвалил всесильный Турецкий!

– Давайте начнем как раз с обстоятельств... Вы наверняка их и без бумажек помните.

– Еще бы! – Следователь усмехнулся. – Мне на эти особо тяжкие нынче уже в третий раз аккуратно во время дежурства «везет»! И все время, словно нарочно, между двумя и тремя утра...

– В «час Быка», – улыбнулся Александр Борисович, но, перехватив недоуменный взгляд Никонова, счел нужным пояснить: – Так астрологи называют время с двух до трех

утра... Утверждают, что именно за этот час совершается большинство самых тяжелых преступлений.

– А-а-а... Ну я продолжу... Вызов последовал от врача «неотложки»: вызвали его к соседке Краевой сверху... Кажется, давление у нее подскочило. Ну а когда врач с сестрой шли вниз, обратили внимание, что дверь в квартире Краевой открыта, и ее тоже увидели, она упала головой на порог... Там еще кошка истошно орала – перс...

– Я помню, – кивнул Турецкий. – Кошку, кажется, так и не удалось поймать?

– Кому охота с исцарапанными руками ходить?.. Она до сих пор к себе не подпускает, шипит и рычит, словно тигра! Ее соседка, дочь той, к кому «неотложку» вызывали, ходит кормит: пришлось пойти навстречу, несмотря на печать... Сами подумайте, что делать? Подохнет же с голоду зверюга! Все-таки живая душа...

Александр Борисович удивленно поглядел на Никонова: неужели тот решил, что вызвали его, чтобы сделать «втык» из-за кошки? Точнее, из-за того, что раз в сутки в опечатанную квартиру впускали соседку, у которой и без того был ключ – от самой Краевой, хранившей запасные ключи у соседки...

– Конечно! – поспешил он успокоить следователя. – Я бы на вашем месте сделал то же самое, как иначе? Тем более эта соседка с убитой дружила и именно она наша главная свидетельница? Я не путаю?

– Она! Алевтина Борисовна Гудкова... На мой взгляд, очень порядочная женщина, художница, кажется, даже известная... В их доме сплошная творческая интеллигенция живет. Но Гудкова очень простая, такая... я бы сказал, ничуть не высокомерная...

– Значит, вызов последовал от врача «неотложки»... Он входил в квартиру?

– Да там, чтобы сообразить, что к чему, и входить не надо было, – поморщился Никонов. – Второй-то выстрел в голову пришелся... Кровь и на площадку натекла...

– Первый выстрел, если не ошибаюсь, был в грудь?

– Плевру пробило, пуля прошла навылет, поскольку стреляли с близкого расстояния... Легкое, конечно, тоже. Но после первого, если бы вовремя нашли, могли и спасти. А так... Поскольку Гудкова все равно из-за матери своей больной не спала, ее и пригласили в понятые, второго во дворе отыскивали вместе с подружкой: на лавочке целовались... Гм!..

– Я просмотрел показания Гудковой. Если правильно запомнил, за полчаса до обнаружения трупa она в ожидании «неотложки» стояла у окна и видела, как из их подъезда выскочил Строганов... Кажется, она утверждает, что именно «выскочил» и бегом бросился через двор в сторону Тверской...

– Да там все, Александр Борисович, очевидно! – неожиданно разволновался Никонов. – И «пальчики» на пистолете его, и Гудкова не могла ошибиться, она его хорошо зна-

ла: Краева же их и познакомила, видать, в целях хвастовства знаменитым любовником... Да не будь он подданным США, давно бы у меня сидел где положено, голубчик! И дело бы уже в суд ушло!.. Мало ли что он утверждает? Мол, пришел, обнаружил труп вместо любовницы, запаниковал и все такое... Брехня!

– У вас сложилось впечатление, что Строганов лжет?

– Так ведь он же артист! Привыкли на сцене играть, вот и в жизни правдоподобно получается... У него и ситуация подходящая.

– Что вы имеете в виду?

– Ну вроде бы за последние полгода у него этот его бизнес музыкальный... Словом, неприятности с ним. И жена его бросила, обратно в Америку свою свалила и ребенка увезла... Ну а Краева, говорят, не только с ним любовь крутила, узнал мужик – ну и сорвался...

– Кто говорит? – довольно сухо поинтересовался Турецкий.

– Это уже другая соседка, снизу... Проверить конкретно не успели, дело передали вам: как только посольство вмешалось – так и передали! Вы ж сами говорили, что за две недели успели много...

– Как получилось, что врач «скорой помощи», когда они поднимались вверх, не обратил внимания на открытую дверь квартиры Краевой?

– Они вверх в лифте поднимались, а обратно пешком

шли, поскольку лифт почему-то вырубился.

Они немного помолчали. Поймав вопросительный взгляд Никонова, Турецкий спохватился:

– Я вас задерживаю, прошу прощения – у меня последний вопрос, чисто технический: экспертные данные по оружию еще не приходили?

– Так я ж попросил их вам переслать... Не переслали еще?... Вот козлы!.. Ну я и так помню... Вообще-то результат странноватый: пистоль оказался паленым...

– Что?! – Александр Борисович едва не подскочил в своем кресле. – Алексей Федорович, и вы молчали... Где он за светился?

Никонов вспыхнул и сердито посмотрел на Турецкого:

– На мой взгляд, никакого особого значения это не имеет! А засвечен этот «макаров» на обычной «мокрухе», с год назад неподалеку от метро, в Измайлове, из него пристрелили местного авторитета Лукаша... Не то, чтобы шишка, но все же! Говорят, там разборка была. Стрелку кто-то кому-то забил – не помню... Это дело не я вел. Ну и что?

Александр Борисович смотрел теперь на своего посетителя с любопытством.

– Говорите, авторитет, но не шишка?..

– Во всяком случае, не «смотрящий». Незадолго до этого с зоны вернулся.

– Не знаю, как вы, но лично я плохо представляю, каким образом бандитский пистолет мог попасть к Строганову, тем

более он утверждает, что в глаза его не видел, а оружия отродясь в руках не держал. Упомянутый «макаров», обнаружив труп, схватил автоматически, сам не зная зачем...

— А я вот, например, отлично представляю, как он мог к нему попасть! Бандюки паленные стволы сбывают, не мне вам об этом рассказывать! А пути, какими это делается, сами знаете, неисповедимы...

— Скажите, Строганов произвел на вас впечатление законченного идиота?

— Ну... Нет, конечно, однако довольно наивный тип...

— Ладно! — Александр Борисович поднялся, внезапно обрывав разговор. — Экспертное заключение я еще не видел, к делу только приступаем, так что не вижу оснований для дискуссии, спасибо, что поделились впечатлениями... Кстати, кто занимался убийством Лукаша?

— Не помню, но могу узнать.

— Буду обязан!

Проводив своего гостя, Александр Борисович некоторое время задумчиво бродил по собственному кабинету, потом, прихватив папку с бумагами, касающимися убийства Марии Краевой, отправился к своему шефу и другу Константину Дмитриевичу Меркулову, заранее настроившись на долгое ожидание в приемной: в последнее время посетители к Меркулову отчего-то шли косяком и попасть в его кабинет даже по срочному делу сотрудникам было нелегко.

Однако на сей раз Турецкий, к своей немалой радости,

ошибся: шеф маялся в своем убежище перед экраном компьютера в полном одиночестве. При виде Александра Борисыча он состроил жалобную гримасу.

– Висит, сволочь! – обозвал он свой компьютер, с которым у Меркулова отчего-то никак не складывались отношения. То он у него «висел», как сейчас, то исчезал вдруг скинутый на дискету текст, то от с трудом сочиненной докладной ни с того ни с сего пропадала половина текста, хотя, как Меркулов клялся и божился, он «ни к чему не притрагивался».

– Я тебе сто раз говорил, верни назад свою печатную машинку, а компьютер к секретарше переставь, пусть за тобой набирает... У тебя, Костя, организм такой редкий – с электроникой несовместимый: недавно читал, так бывает, примерно один случай на миллион!..

Меркулов с подозрением посмотрел на Турецкого: не издевается ли, часом, над шефом?.. Но физиономия Сан Борисыча была абсолютно серьезной, даже хмурой.

– Да я бы с удовольствием, – буркнул Константин Дмитриевич, – вернул бы свою паршивенькую, но верную «Москву», да перед сотрудниками неудобно: скажут, на пенсию пора, мол, за современностью не поспевает...

– А и хрен с ними, пусть говорят! Нам не за современностью поспевать надо, а за бандитами, а они во все времена одинаковые!

– Не скажи... Кстати, ты чего хотел-то?

– Насчет строгановского дела, Костя. – Турецкий вздох-

нул и сел возле стола напротив Меркулова. – Выглядит все для него крайне хреново...

– Без тебя знаю, – снова буркнул Константин Дмитриевич. – Я бы тебя и не привлек, если б заманчиво выглядело... Так что ты конкретно-то хотел?

– Угадай с одного раза...

– Оперативников я тебе дам, следователя сам назначишь...

– Оперативников я у Грязнова и сам возьму, – усмехнулся Турецкий. – Но мне оттуда понадобятся вполне конкретные люди...

– Думаю, сами разберетесь... Что еще?

– Хочу, чтобы со стволом, из которого ее пальнули, покопались наши эксперты – ты знаешь, кого я имею в виду... Он оказался паленый!

В глазах Меркулова вспыхнула непонятная искорка, он прищурился:

– Интересно... Ты хочешь затеять дополнительную экспертизу, чтобы выяснить, в одном деле он запален или их там целая цепочка?

– Угу... – кивнул Александр Борисович. – Пока что это единственная «почти зацепка» для твоей мировой величины...

– Я даже не спрашиваю почему – цени! – Меркулов улыбнулся. – Ствол уже у нас?

– Все вещдоки прибыли еще утром, не считая кошки!

– Ладно, пиши постановление о дополнительной экспертизе, хотя ты и так – сплошное разорение... Погоди, какой кошки?

– Это я так, – отмахнулся Турецкий. – Не обращай внимания... Пошел писать и звонить Славе Грязнову!

– Ведь наверняка Романову попросишь? – хмыкнул Меркулов уже в спину Сан Борисычу.

– А что? – усмехнулся тот, оборачиваясь. – Галка отличный опер, капитана недавно получила... Пусть поработает! Не сомневайся: и Володю Яковлева выклянчу – чего бы это мне ни стоило!

– Ну-ну, дерзай!

Константин Дмитриевич взмахнул рукой, случайно задев какую-то клавишу на клавиатуре компьютера, и перевел взгляд на монитор.

Прямо на глазах не успевшего отбыть Турецкого лицо его шефа вытянулось и словно бы окаменело.

– Э-э-э... Костя, что с тобой? – встревоженно поинтересовался Александр Борисович.

– Нет, ты только глянь... Отвис! Саня, ты только глянь на эту сволочь – он отвис!.. И пусть мне кто-нибудь после этого скажет, что эти подлые компы не обладают сознанием... Ах ты, сволочь!..

Турецкий пулей вылетел в приемную и только здесь позволил себе расхохотаться.

Глава 2

Жизнь – обманщица

Жизнь – гениальная обманщица. Никому и никогда, никогда и никому еще не удавалось ее перехитрить... С чего начинается она, эта катастрофа лжи?.. С едва осознанной детской уверенности, что впереди – долгие годы, наполненные счастьем и радостью? С *ощущения* этой радости, которой на самом деле не суждено сбыться?..

Он резко перевернулся на другой бок и прикрыл глаза. Нет, не нужно было вспоминать сейчас о детстве: слишком безмятежным и надежно-светлым оно было у него по сравнению с сегодняшней катастрофой, с тупиком, в который он загнан и из которого нет выхода... Еще одна красивая ложь, вычитанная им где-то и когда-то: «Выход из тупика там же, где вход в него»... И он, дурак, не просто запомнил – любил повторять это в назидание другим. Жене, сынишке, солистам, наконец... Однажды даже Аграновскому. Профессор тогда ничего ему не ответил – только посмотрел на своего лучшего ученика грустными и мудрыми глазами сквозь толстые «минусовые» стекла очков.

Нет, об Аграновском сейчас тоже нельзя. А о ком можно?..

Строганов горько рассмеялся, открыл глаза и резко сел

на слишком широкой для него одного постели. Эту кровать «в стиле пятидесятых» где-то откопала и купила Лиза. Едва ли не в первый месяц их московской жизни. При виде громадного металлического чудовища, лишенного, с точки зрения Юрия, какого бы то ни было стиля вообще, он пришел в ужас, попытавшись объяснить жене, что ни в пятидесятых, ни в шестидесятых, ни в семидесятых никому бы и в голову не пришло не только спать – приобрести подобное уродство, занимающее треть дефицитной тогда жилплощади. Лиза обиделась, он махнул рукой, и кровать захватила их спальню навсегда.

Где теперь Лиза? В последний раз она звонила ему из Чикаго, просила его самого подать на развод. Слышимость была отличная, и рядом с Лизиним голосом звенел непрекращающийся, радостный щебет сына: Санька был таким же жизнерадостным ребенком, каким когда-то он сам, Юрий.

– Позови Сашку, – попросил он тогда.

– Нет, – сказала она и положила трубку.

Вот его мать никогда бы так не поступила с отцом, никогда! Она и не поступала так: родители разошлись, когда Юрию было чуть больше, чем сейчас Саньке. И все сделали для того, чтобы их сын от этого, как позднее говорила мама, «не пострадал». Это был очень интеллигентный и, как полагали родители, «гуманный» развод.

Каждый вечер отец приходил к ним с матерью ужинать, и постепенно ужины в их доме сделались гораздо вкуснее

обедов, стали напоминать праздничные застолья: мама очень старалась... После еды еще около часа папа играл или гулял с сыном. Затем кто-нибудь из родителей сообщал Юрию, что папе пора – у него, к сожалению, «ночная работа»... О том, что «ночную работу» зовут Верой, что она моложе, красивее и неизмеримо стервознее его матери, Строганов узнал лишь спустя несколько лет... Было, конечно, что-то вроде шока, однако в раскладе «ужин с папой» ничего не поменялось – мама, как обычно, была на стороне отца. Она вообще всегда была на стороне отца. Лишь однажды, когда тот подряд два приносил Юрию какие-то игрушки, мама отозвала его на кухню для разговора, который их сын беззастенчиво подслушал.

– Валерочка, – сказала мама, – ты не должен засыпать его подарками... Пожалуйста, не надо!

– Но... Почему? – не понял отец.

– Потому что он привыкнет смотреть тебе в руки, – мягко пояснила она. – Потому что сейчас он будет ожидать от тебя игрушечную машинку, а лет через десять – обидится, что ты не даришь настоящую... Он должен любить тебя потому, что ты его папа, а не потому, что...

– Ясно! – прервал ее отец немного раздраженно. – Это все, что ты хотела мне сказать?... Ладно, в конце концов, тебе виднее, из нас двоих педагог ты, а не я.

Мама действительно была педагогом – преподавала фортепиано в лучшей музыкальной школе их города. Город сто-

ял на берегу Волги, никогда не отличался особой красотой, но всегда плохим климатом: и двести, и триста лет назад здесь в любое время года гуляли ветра, дующие каким-то загадочным образом сразу со всех сторон. Вода в Волге была холодной даже в самом жарком здешнем месяце – июле. Во второй реке, Свияге, протекавшей в другой части города, она казалась значительно теплее, поэтому там и находились главные городские пляжи. Рядом с одним из них Юрий вырос. Район назывался Засвияжье и особой популярностью не пользовался. Прямо скажем – глухой был район: довольно жидкие Поволжские леса, сплошь лиственные, подступали здесь не только близко к окраинам, но и вторгались на территорию города, неожиданно становясь густыми. И даже – мрачноватыми, особенно ледяными осенними вечерами. Но Юра Засвияжье любил. Наверное, потому, что нигде и никогда больше не бывал. А еще потому, что именно тут, на берегу мутной и теплой Свияги, все и началось.

Это место он отыскал случайно – неподалеку от их пятиэтажек, тогда еще почти новых. Оно оказалось удивительно глухим, особенно в будние дни. Сколько ему было тогда лет?.. Не больше семи: родители еще не успели развестись. Юрий забрел сюда и обнаружил, что никогда здесь не был. Берег Свияги здесь был, наверное, единственным местом, где он казался таким же обрывистым, как волжский, и этот берег показался мальчику похожим на сцену (они с мамой только что побывали на замечательном спектакле

«Снегурочка» московского театра, где все артисты не говорили, а пели. Мама пояснила, что это опера и что написал ее давным-давно композитор Римский-Корсаков. Юрий был не просто в восторге – это было настоящее потрясение!). На обрывистом берегу оказался полукруглый лысый песчаный пятачок, окруженный сзади плотно растущими липами, березами и кустами... Настоящая сцена! Только внизу вместо зрительного зала узкая полоска берега и темная вода Свяги...

Юрию казалось, что он запомнил всю оперу. Но больше всего ему понравился пастушок Лель: тогда он и знать не знал, что эту партию в «Снегурочке» всегда исполняет женщина – сопрано... Тогда он и вообразил себя маленьким пастушком и, встав на краю обрыва, во весь голос запел, что запомнил: «Лель мой, Ле-е-ель мой, ле-ли, ле-ли Лель!..»

Потом – еще раз, и еще, и... А потом сзади хрустнула ветка, и Юрий, подпрыгнув от неожиданности, едва не свалился с обрыва, но удержался и, растерянно оглянувшись, увидел маму... Наверное, она искала его, чтобы позвать обедать, и случайно наткнулась на сына, поющего арию Леля, запомнившего ее с одного-единственного раза с точностью абсолютиста... Мама смотрела на него тогда очень странным взглядом: она не могла не знать, что у ее сына с большой долей вероятности абсолютный слух. Но мама была пианисткой и именно игре на фортепиано и собиралась его учить, отдав в музыкальную школу, где преподавала сама.

Она прежде никогда не слышала, чтобы ее сын пел в полный голос, как пел тогда на берегу Свяги... Мама разволновалась, а Юра не понял почему... Вместо обеда она села за их старенькое, но звучное пианино «Красный Октябрь» и попросила сына еще раз спеть «Леля» уже под аккомпанемент... Потом спросила, что еще он помнит из «Снегурочки», выяснилось – почти все, даже арию Весны воспроизводит почти полностью... Сопрановую, между прочим, арию!

– И все-таки, – сказала тогда мама, закрывая крышку пианино, – поступать будешь на фортепиано... Конечно, с твоим слухом можно бы и на скрипку, но скрипку я не люблю... К сожалению, у мальчиков бывает мутация, сынок, а потом... Потом в девяти случаях из десяти голос становится самым заурадным... Был такой мальчик в Италии, звали его Робертино Лоретти...

Мама рассказала ему тогда печальную историю Робертино, из которой он понял половину, а что такое «мутация» – и вовсе не понял. Зато на другой день она принесла пластинку, на которой этот Робертино пел, и пел так, что Юрию захотелось самому и петь, и почему-то плакать, словно девчонке, одновременно... И «Аве Мария», и «Санта Лючия» – все это запомнилось мгновенно, хотя язык был чужой, непонятный, но красивее, чем этот язык, он в своей коротенькой тогда жизни ничего не слышал – как было не запомнить?!

...Наверное, с этого все и началось – с обрывистого берега Свяги, со «Снегурочки», с Робертино Лоретти, ставше-

го после этой самой мутации заурядным, ничем не отличающимся от сотен других тенором... Ему, Строганову, повезло больше. Гораздо больше!.. И не только потому, что подростковая ломка голоса и началась, и завершилась у него раньше, чем у ровесников. От нее уже и следа не осталось к тому моменту, когда мама, почти непрерывно плача, начала паковать сыну его «московские» чемоданы: тогда она была убеждена, что в Московскую консерваторию поступают не благодаря таланту, а исключительно по блату, хотя сыну этого «в воспитательных целях» не говорила никогда: он сам понял причину ее слез и настойчивых просьб поступать не в Москве, а в Казани много позже. Мама не верила, что его голос, каким бы завораживающим он ни сделался после мутации, все его победы на смотрах самодеятельности – они были в моде и проводились регулярно – в Москве значения не имеют...

Почему она при этом думала, что в Казанской консерватории дело обстоит иначе, для Юрия так и осталось загадкой.

В день его отъезда отец топтался тут же, мешая маме паковать последний из чемоданов (их было целых три плюс сумка с неизбежной «поездной» курицей и яйцами, сваренными вкрутую) и не зная, куда себя деть, что сказать сыну на прощание и как вообще теперь жить дальше... За прошедшие годы папина вторая жена подавила его целиком и полностью. У нее оказался характер, как определил для себя Юрий, «мужицкий», а не просто стержневой. Отец, прежде

веселый, легкий, склонный пофилософствовать на тему «загадочной русской души» человек, едва ли не наизусть знающий запрещенного историка Соловьева и бесстрашно читавший и цитировавший при каждом удобном случае Солженицына, сделался немногословным, растерянным и почти бесхарактерным человеком, растерявшим вместе с пышной шевелюрой весь свой пыл и интерес к «высоким материям» и задушевным разговорам с друзьями.

Единственное, что у него осталось от прежней жизни, – эти их традиционные ужины в доме бывшей жены. Ужины ради сына... И вот теперь Юра уезжал, покидал их с матерью, возможно, навсегда (ведь действительно навсегда!), и где теперь предстоит проводить вечера отцу, было неясно. Главное – ради чего? Ради Юры – да, все, что делалось ради сына, имело тот самый «высокий» смысл, недаром же знакомые восхищались «интеллигентностью» их развода!

Правда, постепенно все привыкли и даже перестали приводить Строгановых в пример какой-нибудь некрасиво разбежавшейся парочке, затеявшей тяжбу по разделу совместно нажитого имущества. Но для самого отца все так и осталось – главная опора в самоуважении: отношения с бывшей семьей, его собственная «жертвенность» и благородство... Уже тогда Юрий понимал все и про отца, и про мать, так и не вышедшую больше замуж. И ничуть не удивился, когда, позвонив домой из Москвы, чтобы сообщить об успешной сдаче первого экзамена, он узнал, что отец по-прежнему

ужинает у матери. Он был там, в их доме. И, как выяснилось позднее, ничего не изменилось – кроме одного...

С момента Юриного отъезда он начал приносить к их с матерью ужину то вино, то водку... Водку – все чаще и чаще. Маме алкоголь вообще был противопоказан: в последние годы она сильно располнела, начало шалить давление. Она и не пила. И очень нервничала из-за того, что пил он. Поделаться, однако, ничего не могла: роль хозяина дома и главы семейства, которую отец продолжал играть долгие годы после развода, прижилась, въелась в плоть и кровь их обоих... Слово мужчины – закон...

После того как отец спился окончательно и умер, Юрий, слишком поздно, едва ли не за месяц до его смерти, узнавший о том, что происходило с родителями после его отъезда (как всегда, все «плохое» мама от него скрывала), долго еще испытывал чувство вины... За собственную успокоенность: мама сказала по телефону: «У нас все отлично, папа здесь, хочешь с ним поговорить?..» Ну, значит, и правда все отлично, а большего и знать ни к чему! За свой, в сущности, детский эгоизм... Страсть к самокопанию, или просто склонность к нему, досталась Строганову от отца. Таким тот был в своей молодости, в своих шестидесятих.

Лизу это не просто раздражало – бесило.

– Ну что ты постоянно лезешь в собственное нутро?! – кричала она. – Ладно уж ко мне в душу... Но к себе?.. Что ты там надеешься найти, кроме дерьма? Что?! Чем глубже

залезешь – тем сильнее вымараешься, дурак! Думаешь, ты хоть чем-то отличаешься от других? И не надейся! В каждом из нас дерьма выше крыши, и собирается оно именно там – на дне... Тоже мне совестливый ангел!..

В ответ в бешенство приходил он, от ярости теряя самые главные, с его точки зрения, аргументы, способные убедить жену в том, как страшно, непоправимо она заблуждается, принимая свой личный горький опыт за общечеловеческий. А в результате получался набор высокопарных фраз о совести, дремлющей в глубине каждой человеческой натуры, в той или иной степени подавленной грузом повседневности, но все равно живой... Получалось нелепо, глупо, иногда и вовсе пошло... Происходил некрасивый, банальнейший семейный скандал – такие происходят в неудачных семьях, в парах, где люди не подходят друг другу, не совпадают ни в чем, даже в мелочах, – сколько бы лет ни длился брак.

И они ссорились, по несколько дней не разговаривая друг с другом. И Лиза за дни молчания еще тверже укреплялась в своей правоте и в его «глупости».

Она была права?

Им следовало разойтись гораздо раньше?

Вообще не следовало жениться и тем более заводить ребенка?

...Телефонный звонок, вернувший Юрия Валерьевича Строганова из его далекого далека, звучал уже давно. Потому что дойти до аппарата он не успел. Но через короткую

паузу телефон заголосил снова. И он поспешно взял трубку.
– Юрий Валерьевич?..

Голос у мужчины был низкий, почти басовитый, но вовсе не бас. «Пожалуй, баритон, – автоматически отметил Строганов и тут же мысленно горько усмехнулся: – Все еще подбираешь солистов, глупец?...»

– Да, это я, – произнес он вслух.

– Позвольте представиться: помощник генерального прокурора Александр Борисович Турецкий...

Он хотел сказать «Очень приятно», но вовремя остановился, потому что это, во-первых, было откровенной ложью. Во-вторых, просто неумно. И поэтому промолчал.

Его собеседника это ничуть не смутило – голос по-прежнему звучал ровно и доброжелательно и – на удивление вежливо.

– Юрий Валерьевич, – сказал неведомый Турецкий, – вы бы не могли выбрать завтра время и заехать ко мне в управление в первой половине дня?

– Вы удивительно деликатны, – усмехнулся Строганов, – спрашиваете, смогу ли, вместо того чтобы прямо назвать время или вручить повестку...

– Я вовсе не деликатен, поверьте на слово, – хохотнул его собеседник. – Пока на слово... Но я в курсе, что у вас театр, студия... Словом, довольно хлопотный бизнес. Следовательно, вы человек наверняка занятой. По возможности не хотел кардинально нарушать ваши планы.

– Занятой? – Строганов пожал плечами, хотя неведомый Турецкий видеть этого не мог. – Был занятой, разве вы не в курсе? Я ведь говорил вашему следователю... Студия еще не восстановлена после разгрома, а декорации нам сожгли, спектакли пока приостановлены. Артистов удалось отправить на гастроли – и на том спасибо... Правда, не всех удалось...

Турецкому, с изумлением слушавшему Строганова, слышалось, что знаменитый певец усмехнулся.

– Вы разговаривали не с «нашим» следователем, – осторожно пояснил он, мысленно поливая паршивца Никонова, ни словом не обмолвившегося о том, что на самом деле происходит с «Домом оперы» Строганова. Как он там сказал – «какие-то неприятности с бизнесом»? Ни черта себе «какие-то»!..

– А это имеет значение? – безразлично поинтересовался Юрий Валерьевич.

– Имеет, – не стал вдаваться в детали Александр Борисович. – Так как насчет завтрашнего дня? Скажем, часиков в одиннадцать утра?

– В любое время, ради бога, – все так же равнодушно отозвался Строганов.

– В таком случае запишите адрес... Пропуск будет внизу, в дежурной части...

Завершив разговор с главным подозреваемым, Александр

Борисович Турецкий положил трубку, выругался, после чего нажал кнопку недавно установленного у него новенького селектора. И, дождавшись голоса секретарши, сердито бросил: – Померанцева ко мне!

Таким «начальственным» тоном Александр Борисович разговаривал крайне редко – только в тех случаях, когда пребывал в состоянии очень сильного раздражения...

Глава 3

Следствие началось

Получив вызов к своему непосредственному начальнику, следователь по особо важным делам соответствующего управления Генпрокуратуры РФ Валерий Померанцев ни секунды не сомневался, что Александра Борисовича интересует, как именно продвигается следствие по Северотуринску,¹ которое шло полным ходом и постепенно близилось к своему естественному финалу – передаче в суд. А посему, прихватив с собой папку упомянутого дела, с виду напоминающую скорее один из томов «Всемирной истории», Валерий, тихонько насвистывая какую-то легкомысленную мелодию, в самом что ни на есть распрекрасном настроении двинулся в сторону приемной Турецкого.

До выходных оставалось всего два дня, и Померанцев заранее сговорился со своей очередной подружкой, в которую был почти что влюблен, провести их за городом: у подружки имелся состоятельный папа, а у папы – дача. И не какие-нибудь там пресловутые шесть соток, а самый настоящий особнячок во Внукове почти на двадцати га соснового леса! Предполагались традиционные шашлычки (если погода позволит) и... Ну и все, что к ним обычно прилагает-

¹ См. роман Ф. Незнанского «Окончательный расчет».

ся... С мыслью об этих самых шашлычках Валерий Александрович и достиг кабинета Турецкого.

У всех хороших сыщиков интуиция развита как минимум хорошо, как максимум – блестяще. Померанцев был как раз хорошим сыщиком – то бишь следаком, а посему, едваглянув на начальство, хмуро восседавшее за старомодным письменным столом, отвоеванным Турецким на правах любимого и помогающего думать, почувствовал, как где-то в области солнечного сплетения (видимо, там и располагается основная база интуиции) у него пробежал мгновенный холодок. Перед мысленным взором почему-то промелькнул дымящийся мангал с почти готовым аппетитным продуктом и тут же исчез...

– Присаживайся, – коротко произнес Александр Борисович, даже не взглянув на том с северотуринским делом. И Валерий последовал распоряжению начальства, пристроив тяжеленную папку на коленях и мысленно с тоской распрощавшись с шикарными планами на ближайшие выходные. Как показало дальнейшее собеседование с начальством, он был прав на все сто процентов.

Мысль попытаться отбиться от дела об убийстве оперной дивы, аргументируя это намерение обилием текущих дел, включая громоздкое северотуринское, ушла так же быстро, как и пришла: ведь и Турецкий занимался той же самой текучкой, что и его подчиненные... Померанцев вздохнул последний раз и сосредоточился на словах Александра Борисо-

вича, коротко и сжато изложившего ему суть случившегося.

– В общем-то, – заключил Турецкий, – особо винить этого Никонова трудно: все улики с самого начала указывали на Строганова, к тому же, обнаружив труп, он, вместо того чтобы вызвать милицейских, сбежал. Его «запаниковал» звучит убедительно, но и то, что следы своего пребывания на месте убийства не только не скрыл, но в принципе наследил по полной программе, еще убедительнее объясняется той же самой паникой... В состоянии аффекта человек убивает свою любовницу, затем осознает, что именно совершил, и в ужасе скрывается с места преступления...

– Да, – кивнул Померанцев, – такая очевидная, традиционная для подобных убийств схема, которая все остальные версии делает излишними... Чего возиться, если и так все ясно?

Он вздохнул и вопросительно посмотрел на шефа:

– Думаете, подстава?

– Не исключаяю, – вздохнул Турецкий. – Поскольку на театр Строганова явно наезжали, причем крупно, отрабатывать эту версию будем... В «Дом оперы» поедешь ты, и чем скорее – тем лучше.

– Кто еще будет работать по этому делу?

– Группа небольшая, но, я считаю, вполне крепкая... К тому же, – усмехнулся Турецкий, – если иметь в виду тебя, то можно сказать – и полгода не прошло, как вы расстались!..

– Неужели «Глорию» решили опять привлечь?

– Пока лично я такой необходимости не вижу: Вячеслав Иванович Грязнов не сказать, чтобы очень охотно, но все-таки поделился своими лучшими оперативниками, Романовой и Яковлевым... Устроит?

– Класс! – искренне восхитился пробивной силой своего начальника Померанцев.

– Вот и отлично. План следствия, надеюсь, положишь мне на стол завтра... Не делай большие глаза! Завтра – так и быть, во второй половине дня.

– Хотите сказать, ехать в театр надо прямо сейчас?

– Почему сказать? Я уже сказал. Созванивайся с ребятами – и флаг вам в руки!.. Не понимаю, почему на твоей физиономии не отразилось глубокое удовлетворение!

– Терпеть не могу иметь дело с этой... художественной интеллигенцией, – вздохнул Померанцев. – А если учесть, что в музыке, особенно в оперной, я дуб дубом...

– Не ты один! – строго прервал его Турецкий. – Твоя цель не арии петь, а поймать убийцу... Или подтвердить версию Мосгорпрокуратуры. На этом лирическое отступление будем считать законченным. Иди, Валерий, работай, не теряй времени.

– Есть! – вяло отозвался Померанцев и, взяв из рук Александра Борисовича папку с делом Марии Краевой, поднялся и направился к выходу. Прежде чем созвониться с Галей Романовой и Володией Яковлевым, следовало самому хотя бы прочитать показания свидетелей. Время пока у него было:

если не разъехавшиеся на гастроли артисты «Дома оперы» появятся в театре сегодня, то произойдет это ближе к вечеру, пожалуй, не раньше шести-семи часов.

– Нет ничего хуже, чем подхватывать следствие с середины, подбирать чужие хвосты, – вздохнула Галочка Романова, оперативник 1-го Департамента МВД, взглянув на своего спутника. Ясный, но совсем не по-июньски холодный вечер застал их неподалеку от Белорусской, перед Домом культуры, в котором строгановский театр арендовал помещение.

– Ты не совсем права, – возразил ей Померанцев, с любопытством озираясь по сторонам: перед популярным в Москве ДК функционировало открытое летнее кафе, в данный момент ярко освещенное вспыхнувшими минуту назад фонарями. Валерий отметил, что все до единого столики были заняты. – Никаких «хвостов» там нет, завтра утром ознакомлю тебя и Володю с делом – сама увидишь...

– Тогда для чего мы вообще нужны? – удивилась Галочка. – Нет, я понимаю: если этот самый Строганов иностранец, именно Генпрокуратура должна им заниматься... Но ведь это чистая формальность, да? Я знаю сто случаев, когда обходились силами города...

– Галка, мне и без тебя ясно, что дело не только в Строганове. Не понимаю, какая тебе разница в чем, если мы все равно уже тут...

– Ага! А еще если учесть, что оба разбираемся в шоу-биз-

несе, как свинья в апельсинах...

– Это не шоу-бизнес, дурочка! Это – бери выше – опера!..

– Тем более!.. – Она немного помялась. – Но, если честно, о Строганове и об этом театре даже я слышала... А мы не опоздаем?

– Он обещал собрать всех, кто еще в городе, к семи... Мы как раз вовремя!

– Сейчас двадцать минут восьмого! У тебя часы отстают!

– Ничего подобного, не отстают. Просто пусть немного посидят в ожидании, поволнуются слегка – естественнее будут себя вести, – пояснил Валерий. – Вот и познакомимся с фигурантами... Ладно, пойдем... Да не туда, служебный вход сбоку!..

Как все здания, в которых располагаются зрелищные учреждения, сияющий свежотремонтированным фасадом ДК с изнанки выглядел отнюдь не так привлекательно, как со стороны кафе. Однако и особо путаться по тупиковым, неожиданно сворачивающим коридорам со стенами, выкрашенными унылой зеленой краской, им тоже не пришлось. На входе вместо традиционного старичка-вахтера сидел, к удивлению Померанцева, здоровенный парень в камуфляже и при кобуре... Очевидно, такая мера в виде охранника, да еще вооруженного, принята была из-за неприятностей, обрушившихся на «Дом оперы». Парень не только внимательнейшим образом изучил удостоверения Померанцева и Романовой, но и вполне толково объяснил, как быстрее всего

пройти к сцене со стороны кулис: Строганов и его сотрудники, по словам парня, собрались именно там.

К удивлению Валерия, как раз с той стороны, в которую они с Галей двигались, все отчетливее доносились звуки фортепиано. А он-то полагал, что весь коллектив будет сидеть в унынии из-за случившегося, а там, видишь ли, музыка звучит... Ну и ну! Бес их разберет, этих музыкантов! Может, у них горе так проявляется? И почему собрались на сцене, а не в какой-нибудь комнате, к примеру? Есть же у них там всякие гримерные, примерочные и вообще...

Однако сцена, как выяснилось, при закрытом занавесе, да еще со стороны кулис, на сцену, какой ее видят из зала зрители, походила мало. А напоминала пусть и большую, и странной формы, и с тряпичными стенами, но комнату. Своего рода мебель здесь тоже была: помимо большого коричневого рояля, за которым сидел, перебирая клавиши, сухошавый немолодой человек, в ней обнаружился странного вида деревянный сундук, обитый темным металлом, уйма стульев, среди которых бросалось в глаза помпезное кресло с узкой высоченной спинкой, обтянутое золотой парчой и вообще все позолоченное, а посреди всего этого – обыкновенный ободраный стол выпуска годов эдак пятидесятых и в самом дальнем углу некий предмет, отдаленно напоминающий сервант.

При появлении Померанцева с Романовой несколько человек, устроившихся в разных концах комнаты-сцены, о

чем-то довольно громко между собой переговаривающихся, одновременно замолкли. Но навстречу гостям поднялся только один из них – высокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти, с лицом былинного богатыря и густой русой шевелюрой... Во всяком случае, именно известная картина «Три Богатыря» и вспомнилась Галочке при первом взгляде на Строганова – их главного и пока что единственного подготавливаемого...

Померанцев, окинув наметанным взглядом остальных, отметил, что помимо хозяина театра здесь находятся еще пятеро: двое мужчин и три женщины, все, кроме господина за роялем, молоды – куда моложе, чем он ожидал. На всех лицах – откровенное любопытство и ни тени страха... Страх не было и на лице Строганова, хотя любопытство тоже отсутствовало. Усталость и безразличие – вот как определил бы Валерий выражение лица знаменитого тенора...

Померанцев был профессионалом, поэтому в процессе знакомства с артистами запомнил их на всякий случай, сразу «срисовав» внешность и «напечатав» в памяти имена.

Высокая и, вопреки померанцевским представлениям об оперных певцах, худенькая брюнетка с подвижным личиком и веселыми синими глазами (очень даже ничего! – отметил он) оказалась Кирой Голдиной и, как пояснял по ходу дела Строганов, «прекрасным меццо» (что это такое, Валерий, убей, до конца не знал, но припомнил, что «меццо» была и убитая певица).

– Кира, – словно отвечая на его мысли, пояснил Юрий Валерьевич, – дублировала Машу, когда та была занята у себя в театре, пела Елизавету...

– Елизавету? – автоматически переспросил Померанцев и тут же перехватил удивленный взгляд Строганова. Впрочем, кажется, тот довольно быстро понял, что его гости настолько далеки от музыки, что даже не знают репертуара «Дома оперы». Заминка вышла всего секундная, после чего Юрий Строганов пояснял все уже детально:

– Наш основной, он же «гвоздевой», спектакль – «Мария Стюарт», но эта опера – не из тех, что являются классическими. Она – новая, композитор – перед вами... Знакомьтесь, Валерий Михайлович Струковский!..

Немолодой сухощавый мужчина, сидевший за фортепиано, слегка привстал и, бросив на Померанцева кроткий взгляд пронизательных карих глаз, улыбнулся неожиданно светлой, удивительно приятной улыбкой. Струковский кивнул, после чего, аккуратно поддернув брюки, вновь присел на круглый вертящийся табурет. «Он что, тоже знаменитость?..» – мелькнуло в голове у Померанцева, пожалевшего в этот момент о недостатке своего музыкального образования.

– «Марии Стюарт», – продолжил Строганов, – если вы не в курсе, вообще уже почти четыреста лет, весьма популярный сюжет... Дело не в Шиллере, а в реальной биографии шотландской королевы, которая претендовала на ан-

глийский трон... Елизавета Английская пленила ее и после многих лет заточения казнила... Отсекла голову...

«В нашем случае, – мысленно вздохнул Померанцев, – казнили саму Елизавету... Господи, неужели нам еще придется изучать биографию этой самой Марии? Или, чего доброго, немецких поэтов читать?!»

– Теперь – Ирина Радова, – продолжил Юрий Валерьевич, и в его голосе впервые за все время появились теплые интонации. – Ирочка у нас – драматическое сопрано, поет как раз Марию...

Симпатичная, пока еще только слегка пухленькая, но явно склонная к полноте голубоглазая блондиночка приветливо сверкнула кокетливым взглядом на молча кивнувшего Померанцева. Дублеров у юной дивы местного значения, судя по всему, не было. Или вторая исполнительница отправилась на гастроли?

Третья женщина, точнее, девушка разительно отличалась от обеих певиц. Римму Катаеву, толстушку лет двадцати, темноволосую, с крупным лицом и карими глазами, вызывавшими ассоциации с маслинами, отрекомендованную как «помощник режиссера» или просто «помреж», в хорошем настроении упрекнуть было трудно. Она была едва ли не единственной, если не считать самого Строганова, на чьем лице виднелись следы горя: девушка явно недавно плакала.

Наконец, последний из присутствующих, нервного вида высокий шатен с узким лицом и, несмотря на худобу, от-

четливо наметившимся животиком, оказался молодым (не больше тридцати!) баритоном, исполнявшим все в той же «Марии Стюарт» партию некоего Лейстера – любовника Марии, переметнувшегося, как определил для себя Померанцев, «из корыстных соображений» в фавориты к Елизавете Английской... «Все-таки как минимум либретто прочесть придется! – вновь вздохнул на этом месте Валерий, – иначе запутаешься в персонажах, а значит, и в исполнителях-фигурантах...»

Вероятно, Галочка подумала о том же, поскольку, словно откликаясь на мысли Валерия, поинтересовалась:

– С содержанием оперы более подробно ознакомиться можно?

– Риммочка, – Строганов повернулся к помощнице режиссера, – у тебя, по-моему, были еще экземпляры либретто?

– Да, Юрий Валерьевич, сейчас принесу.

Девушка неожиданно легко для своей комплекции поднялась с места и исчезла в боковых кулисах.

Валерий проводил ее взглядом и поинтересовался:

– А что, сам режиссер на гастролях?

На мгновение на сцене установилась почти осязаемая физически пауза. А потом раздался немного севший голос хозяина театра:

– Наш режиссер... Он же продюсер театра... Он же мой самый давний и близкий друг Марк Розингер убит два месяца

ца назад... Разве вы об этом не знаете?..

Должно быть, вытянувшееся от изумления лицо Померанцева произвело впечатление на всех артистов, поскольку заговорили они почти одновременно:

– Но как же так?! – Ирина Радова всплеснула руками. – Мы же все это сто раз следователю говорили, как же так?

– Вот именно! – возмущенно подала реплику Голдина.

– Как же вы не в курсе? – скривился баритон Вадим Кутепов.

И только композитор молча покачал головой.

Валерий Померанцев не в первый раз сталкивался со столь наивным представлением сограждан о том, кто и каким образом проводит следствие, и поэтому прореагировал спокойно – в отличие от вспыхнувшей Романовой.

– А почему вы решили, что мы обязаны были об этом знать? – довольно резко ответила вопросом на вопрос Галля. – Вот вы точно должны понимать, что следствия по поводу убийства разных людей ведутся разными подразделениями! Безусловно, все, что касается вашего театра, Генпрокуратура сведет воедино... если возникнет необходимость. Но дело об убийстве вашей солистки мы получили только вчера, пришли познакомиться с вами, послушать, что вы думаете о случившемся... Естественно, мы просто не можем быть в курсе всего! Но будем – обязательно, и в самое ближайшее время.

Артисты замолчали так же дружно, как и начали говорить.

Померанцев воспользовался паузой и перешел к делу, удобнее устроившись на облюбованном им стуле, с которого видны были все находившиеся на сцене.

– С каждым из вас, – произнес он мягко, – мы будем беседовать отдельно и неоднократно, можете не сомневаться. А сегодня действительно очень хотелось бы услышать, что вы сами думаете о гибели вашей коллеги. Может быть, кто-нибудь поделится своими соображениями по собственной инициативе?

– Я поделюсь! – Кира Голдина решительно тряхнула головой, отчего ее длинные роскошные волосы, собранные в «конский хвост», перекинулись на грудь. – И думаю, с тем, что скажу, согласится каждый, хотя не все в этом признаются... Простите, Юрий Валерьевич, я понимаю, что вам это будет неприятно, но... В общем, Машу мог убить кто угодно, но только не Юрий Валерьевич!

– Почему? – поинтересовался Померанцев, заранее догадывавшийся об ответе.

– Потому что она была злокачественная стерва, вот почему! И единственный, кто этого не понимал...

– Если вы хотите сказать, Кира, что я этого не понимал, – негромко перебил ее Строганов, – то это будет ложью... В последние полтора месяца я это не только понимал, но успел испытать на собственной шкуре...

– Ну зачем вы на себя наговариваете?! – В Кириных глазах блеснуло что-то, подозрительно напоминавшее влагу. – Да

вы всегда, с самого начала, позволяли ей все... Хозяйничала, как хотела! Издевалась над нами за вашей спиной при любой возможности! Я-то это знала лучше всех!

– Почему? – вновь спросил Померанцев.

– Потому что была ее дублершей, – нервно ответила Голдина. – И тут у Марии возможностей – хоть отбавляй!.. Я, например, должна петь в вечернем спектакле. Приезжаю в театр, до этого весь день настраиваюсь... А она, которая, по ее заверениям, в этот день никак не могла играть, тут как тут! И все – мимо... Понятно?.. А уж пока она позволила мне взять партитуру, чтобы партию отксерокопировать... У нас экземпляров тогда, в самом начале, было в обрез... Вот уж поиздевалась!

– Ты, Кира, все-таки палку не перегибай, – неуверенно вставил баритон Вадим. – Характер у Маши был, конечно, не мед, но...

– А ты вообще молчи! – внезапно вмешалась Радова. – Ты на нее... Простите, ради бога, Юрий Валерьевич... с самого начала облизывался, как кот на сливки, а она этим пользовалась... Надо же, до сих пор пользуется!..

– Чего только не узнаешь и о себе, и о других в такой вот ситуации, – горько бросил Строганов, и впервые за все время на лице его мелькнула усмешка.

– Простите, Юрий Валерьевич, – повторила Ирина и, кажется, приготовилась расплакаться.

– Я продолжу, – вновь завладела вниманием присутству-

ющих Кира. – Так вот. Кто ее мог убить? Например, бывшая подруга, которой она отказала в деньгах на лекарство для ее больной матери, а мать возьми – да и умри!.. А подруга хотела только занять, понимаете?.. И не спрашивайте, откуда я это знаю, сама расскажу: я у нее в гостях была, когда эта несчастная женщина позвонила и кричала, что таким, как Машка, нельзя жить среди людей... Я рядом с телефоном сидела и все слышала! Да она, когда трубку бросила, сама же мне и рассказала эту историю... От злости рассказала, поливала грязью эту несчастную подругу и ее бедную мать... «Я, – говорит, – свои деньги сама решаю, куда тратить: на сумасшедших старух или на себя с Пуфом...» Представляете? Для нее этот проклятый Пуф был дороже больной женщины! Вот!

– Ка... Какой Пуф? – растерянno поинтересовалась Романова.

– Обыкновенный кот... То есть нет, как раз необыкновенный, не кот – а настоящая гадина... Кстати, интересно знать, кому он сейчас достался?.. Она его котенком где-то подобрала, а он вырос здоровенным, как... как собака, и таким же злобным...

– Вот видишь, – Строганов снова усмехнулся, – говоришь, Маша стервой была... А она ведь Пуфика на помойке нашла, подобрала и выходила... Разве злой человек способен на такой поступок?..

– Еще как способен! Мария – живое тому доказатель-

ство... То есть... Я хотела сказать... – Кира наконец смешалась: в пылу своей речи она совершенно забыла, что как раз «живым» доказательством певица уже не была...

– Дамы, успокойтесь. – Неожиданно молча наблюдавший происходящее тезка Померанцева, композитор Валерий Михайлович Струковский, поднялся из-за рояля. – Не думаю, что господину следователю интересны наши внутренние дразги...

– Не скажите! – усмехнулась Романова. – В личности жертвы почти всегда кроются причины преступления – конечно, если преступление неслучайное. Об этом, кстати, всем будущим следователям на первом курсе твердят... И это – правда.

– Убийство Маши неслучайно – в этом я уверен, как ни в чем другом, – горько произнес Юрий Валерьевич Строганов. И все, словно по команде, замолчали.

Он поднял голову и посмотрел в глаза Померанцеву:

– Как раз то, что Машу убили неслучайно, я и пытался доказать вашему предшественнику... вашему коллеге.

– Ну что ж... – Померанцев решил, что на данный момент получил впечатлений более, чем достаточно. Галя наверняка тоже. Он поднялся с места. – Юрий Валерьевич, давайте мы с вами сделаем так... Насколько я знаю, завтра у вас назначено свидание с руководителем нашей следственной группы – Александром Борисовичем Турецким. Вы не могли бы очень коротко записать к этому моменту на листочке в по-

рядке появления все неприятности, свалившиеся на театр – с самого начала? Или не успеете?..

– Я могу сделать это минут за десять, слишком много об этом думал...

– И не забудьте про сгоревшие декорации... Кстати, я вижу, вы успели обзавестись новыми?..

– Что вы, нет! Почему вы так решили?..

Валерий кинул взгляд на золотое кресло.

– А-а-а... Нет, мебель огонь не тронул. Сгорели очень дорогие задники и часть не менее дорогих костюмов... Остальное цело, успели потушить все вовремя, иначе и от ДК бы ничего не осталось... – Он задумчиво покачал головой. – Мы тогда еще думали... Решили, что пожар – случайность, чья-то неосторожность... Даже заявлять никуда не стали... Собственно говоря, именно с пожара все и началось... Но давайте и в самом деле отложим это на завтра!

...Уже на выходе Померанцева с Романовой догнала пропустившая все предыдущее помреж – толстуха Римма:

– Товарищи следователи, подождите... Подождите!..

Померанцев, совершенно забывший о своей просьбе, недоуменно обернулся к запыхавшейся девушке.

– Вот, пожалуйста... Едва нашла! – Она сунула в руки Валерию толстую пачку бумаги формата «А-4». – Извините, экземпляр не очень четкий, машинописный... Его сам Валерий Михайлович делал, он на компьютере не умеет... Старика вообще с компьютерами не в ладах...

Впечатление «старика» композитор никак не производил, но у таких юных особ, как Римма, на этот счет было другое мнение.

– Вы выглядите расстроенной, – не удержалась Галочка. – Вы так любили Краеву?

– Краеву? – Бровки девушки сами по себе поползли вверх. – Н-не знаю... Понимаете, сегодня как раз два месяца с того дня, как Марк Иосифович погиб, я... я была у его мамы...

Голос девушки прервался и дрогнул. Она опустила голову и уставилась в пол.

– Спасибо вам за либретто, – ласково сказал Валерий. – Вернем, как только увидимся в следующий раз.

...На улице по-прежнему было холодно, для лета – просто возмутительно холодно. Но Валерий с удовольствием вдохнул в себя воздух, показавшийся после всего увиденного и услышанного удивительно свежим.

– Ты чего примолкла? – поинтересовался он у Романовой. – Фигуранты не понравились?

– Почему? – Она пожала плечами. – Артисты как артисты... Они по жизни все склочники... Наоборот, мне главный фигурант очень даже понравился. Нужно достать его диск и послушать, как поет... Можешь считать меня необъективной, но на убийцу он непохож категорически!

– Я и сам не слепой, – усмехнулся Валерий. – И согласился бы с тобой на все сто, если бы не парочка обстоятельств.

– Ты имеешь в виду улики?

– Нет! Я имею в виду, во-первых, что он, насколько я понимаю, артист Божьей милостью, а артисту, да еще талантливому, любую роль сыграть – раз плюнуть! А с его внешне-стью роль простодушного сибирского «медведя» – и вовсе как нечего делать.

– А во-вторых?

– Во-вторых, Галчонок, личный опыт... Могу тебе назвать не менее десятка дел, по которым проходившие в них убийцы были по жизни настоящими обаяшками... Нет, солнце мое, я – не поклонник Ламброзо! Так что будем работать, и работать, судя по всему, много и нудно... И не забудь, собираемся у меня завтра где-то в час, не позже. Володя в курсе. Ибо не позднее чем в пятнадцать нуль-нуль я обязан предъявить нашему дорогому Сан Борисычу предварительный план следствия!

Глава 4

В чикагском супермаркете

За месяцы, прошедшие со дня отъезда Лизы с Сашкой, просторная трехкомнатная квартира, купленная им в хорошем доме старой застройки рядом с Лесной улицей и соответственно рядом с помещением, которое арендовал театр, несмотря на старания домработницы, приобрела нежилой вид.

Прислуга теперь за те же деньги, что и прежде, по его просьбе приходила не через день, как при Лизе, а дважды в неделю. И за дни, проходившие между ее визитами, мебель успевала покрываться слоем пыли, на сверкающем лаком паркете образовывались неведомо откуда бравшиеся горки мусора. К этому добавлялись гора немытой посуды в кухонной раковине и разбросанная по стульям и креслам одежда. Постель он в последнее время по утрам тоже перестал застилать, не видя в этом никакого смысла... Даже начинающий психолог усмотрел бы сейчас в образе жизни Строганова все признаки начинающейся депрессии.

Юрий это прекрасно понимал, но ни к каким психологам обращаться не собирался: всю жизнь презирал людей, пытавшихся вернуть удачу или избавиться от неприятных ощущений с помощью транквилизаторов. До последнего момен-

та он верил, что в состоянии справиться со своими бедами сам – как это бывало уже не раз и не два в его жизни. Однако убийство Маши его все-таки добило...

Вернувшись из театра (вернее, из того, что от него осталось) после визита Померанцева, Юрий Валерьевич сдался и открыл наконец кухонный шкафчик, в котором Лиза хранила уйму лекарств. В последний год их совместной жизни она и не пыталась даже сделать вид, что способна если и не поддерживать мужа, то самостоятельно справиться с собственными страхами. А вот Маша... Маша так же, как и Юрий, презирала «колеса» (так она называла все лекарства, включая безобидный аспирин) всей душой. От простуды и даже от гриппа лечилась медом и малиной с чаем. И даже в те нередкие для любого певца моменты, когда голосовые связки не выдерживали колоссального напряжения и верха, особо красивые и чистые для такого насыщенного меццо-сопрано, как у нее, начинали садиться, пользовалась не глюкозой, которую вкалывало в таких случаях в вену большинство артистов, особенно оперных. Маша применяла совершенно кошмарный рецепт, раздобыла который в Миланской консерватории – в тот год, когда они с Юрием познакомились... На «лекарство», приготовленное по этому рецепту, Строганов смотреть не мог без тошноты: пол-лимона, выдавленные в сырое яйцо, – гадость необыкновенная! А она ничего – пила, да еще медленно, словно смакуя...

Юрий Строганов опустился на высокий табурет, начисто

забыв про Лизину аптечку: все последние недели он часто выпадал из времени, словно воспоминания о прошлом могли помочь ему справиться с настоящим. Сейчас же перед его глазами, вызванный услужливой памятью из небытия, возник тот день, когда в далекой от Москвы, яркой и солнечной стране он познакомился с Машей.

– Мария Краева, будем знакомы! – и сразу, без всяких переходов: – Нам дали одну-единственную репетицию, всего час... Как вам это нравится?!

Он ответил не сразу – едва она переступила порог его артистической уборной, как все его собственное недовольство, раздражение и разочарование перед знаменитым Ла Скала улетучилось. Он забыл сразу о слишком тесных и душных артистических с узкими, словно бойницы, окнами, о неудобном репетиционном расписании перед концертом, который мог стать для него, молодого тогда певца (и стал в результате!), судьбоносным. О долго и тщательно готовившемся репертуаре, который срочно нужно менять: в самом конце выступления придется петь вместе с какой-то российской начинающей «певичкой» дуэт! Далеко не самый его любимый – дуэт из «Кармен» Бизе: почему-то партия Хосе его не слишком привлекала.

Возможно, потому, что роль не соответствовала его собственному характеру?... А теперь еще и неведомая партнерша, только что завершившая стажировку в Миланской консерватории, навязанная ему продюсером, а продюсеру – на-

верняка кем-то еще... Прежде Франк Зальц никогда себе такого не позволял – они работали с ним к тому моменту уже около трех лет. Даже после того, как, женившись на Лизе, он перебрался на постоянное жительство к ней в Чикаго.

А потом Маша переступила порог его артистической, и он обмер, даже не сразу ответил, разглядывая ее, пораженный красотой девушки. Она была тогда куда более хрупкой, чем когда они позднее встретились в Москве. Его поразили темно-каштановые локоны, с каким-то необыкновенным золотым свечением рассыпанные по обнаженным, очень белым (и это после полугода под палящим итальянским солнцем?) плечам; сочные темные губы со сверкающей полоской зубов, но более всего – твердый, серьезный взгляд больших серых глаз... Он готов был поклясться, что именно так и выглядела в жизни Кармен: говорят, Проспер Мериме взял сюжет своей знаменитой новеллы из жизни, описав реальную историю...

Ни в минуту знакомства, ни спустя годы он не мог вспомнить, что именно ответил тогда Маше. Помнил другое: изумление... Нет, настоящее потрясение от того, как дивно звучали на той репетиции их голоса, как слаженно они пели, вплоть до последнего краткого дыхания – словно он и эта «стажерка» годами репетировали дуэт Хосе и Кармен, словно учились у одного и того же педагога... Это было чудо! Но Маша вовсе не удивилась. Она – об этом он узнал много позже – всегда была уверена в себе, в своем таланте, в том, что ее меццо – лучшее если не во всем мире, то уж в России

– точно... Ее уверенность оправдалась только наполовину, но тогда они об этом не знали.

Казалось, что оглушительный успех в Ла Скала, буря аплодисментов зала, который в отличие от многих других залов знал толк и в музыке, и в исполнителях, принадлежит им обоим... На самом деле это был успех его одного. Зал действительно «знал» – так же, как и просчитывающие успех на несколько ходов вперед импресарио: уж они-то знали – точнее некуда! И контракты, о которых можно было только мечтать, посыпались исключительно на него...

Он с горечью припомнил, как за несколько дней до отъезда на гастроли по лучшему из предложенных контрактов униженно, почти на коленях, умолял Зальца продюсировать Марию, рыдавшую в этот момент в снятом ими сразу после концерта люксе и проживших там вместе всего-то одну-единственную неделю... Фридрих был тверд и непреклонен, как скала. Позднее Юрий понял почему.

Сам блестящий педагог-вокалист, повидавший на своем веку немало певческих судеб, прежде чем наткнуться на золотую жилу – русского тенора Юрия Строганова, он отверг Краеву не потому, что считал ее недостаточно одаренной. Роковым для Марии стал вспыхнувший между ней и Юрием роман. Трезво мыслящий Фридрих, собственными руками и трудом создавший Юрию лестницу, по которой началось его восхождение на музыкальный олимп, в отличие от влюбленного Строганова, отдавал себе отчет в том, насколько губи-

тельным может оказаться для его «золотой жилы», а следовательно, и для самого продюсера этот бурный роман... Знаем – проходили, и неоднократно! Да и железный характер Краевой, способной подавить Строганова, подчинить его себе и далее использовать по собственному усмотрению, для Фридриха загадкой тоже не был. Юрий слабаком не являлся – боже упаси! Однако так страстно, до полного самозабвения, он к своим двадцати семи годам не влюблялся ни в одну женщину. А что делает страсть с мужчинами, особенно с мужчинами сильными, мудрый Фридрих тоже отлично знал...

Нет, блеклая и несколько пресноватая Лиза с ее ровным и даже вяловатым характером, получавшая от мужа в ответ столь же ровную и почти не обязывающую к верности привязанность, устраивала Фридриха куда больше! В дела мужа, а уж тем более в дела его продюсера, она никогда не лезла, в контракты, которые заключались с самыми разными импресарио, носа не совала. А растущая известность Юрия, его все более частые и долгие отлучки из Чикаго ее, казалось, и вовсе не задевали.

Их брак был скоропалительным, и, обнаружив, что в жизни Строганова появилась Лиза, или, как звали ее все окружающие, «Лу», поначалу Зальц встревожился: с его точки зрения, столь ранний брак мог здорово повредить карьере артиста. Однако очень быстро Фридрих Зальц успокоился – понял, что никакой «безумной страсти» между супругами

нет... Что именно испытывала молчаливая и сдержанная Лу к Юрию, так и осталось неясным. Строганов же ее в первую очередь жалел... С первого момента их знакомства в чикагском супермаркете, где Юрий случайно вышиб из рук Лизы несколько пакетов, которые она только собиралась положить в корзину.

Строганов смутился и уже открыл рот, чтобы извиниться по-английски за свою неловкость, когда девушка абсолютно по-русски ойкнула, после чего они уставились друг на друга – худенькая блондинка с печальными зеленоватыми глазами и высокий широкоплечий мужчина с крупными чертами лица. На ней – старенькие джинсы и ношенный-переношенный растянутый свитерок, на нем – сшитый на заказ костюм, обошедшийся почти в три тысячи долларов...

– Вы – русская?! – воскликнул он, успевший к тому моменту истоскаться по дому, несмотря на только что зачатую известность. Именно благодаря ей и состоялись тогда первые американские гастроли.

Она была русской, ей было куда больше лет, чем те, на которые она выглядела. Юрия не смутило, что Лиза оказалась старше его. Ее привезли сюда родители, высланные из России как диссиденты. Но никакой «американской сказки» в Лизиной жизни не случилось: отец с матерью через положенные по закону годы получили гражданство и вскоре после этого умерли. Американский муж бросил ее спустя три с небольшим года ради своей коллеги. Денег на образование

Лизы у отца с матерью не было. И к тому моменту, когда они с Юрием столкнулись в супермаркете, она влачила довольно жалкое, по американским меркам и вовсе нищенское существование, лелея одну-единственную мечту – хоть когда-нибудь вернуться в Россию, воспоминания о которой, как любые детские впечатления, были у Лизы единственными светлыми...

Скажи кто тогда Строганову, что его тихая и покорная жена, безмерно благодарная своему мужу за обеспеченную и беззаботную жизнь, способна сохранить в себе характер, позволивший совершить такой поступок – бросить его, лишив сына, он рассмеялся бы такому «провидцу» в лицо... Да, жизнь и умнее, и хитрее человека, а сюжеты, которыми она так богата, не предусмотритишь заранее.

Даже такой мудрый человек, как Фридрих Зальц, и тот никогда бы не поверил, что Лиза способна бросить Строганова... Не поверил бы, будь он, конечно, жив... А Аграновский – он бы поверил?..

...Строганов поднялся и потащился в спальню: было уже за полночь, про распахнутую аптечку он успел позабыть. Зато вспомнил о просьбе Померанцева – восстановить в хронологической последовательности все беды, свалившиеся на «Дом оперы» с самого начала. И подумал, что на самом деле начало упрятано так далеко, что его из сегодняшнего дня уже, пожалуй, и не разглядеть... Или все-таки можно увидеть?.. А что, если за всем этим кошмаром стоит все тот

же человек, из-за которого – скорее *благодаря* которому – Юрий и уехал отсюда одиннадцать лет назад, навстречу своей мировой славе?

Как его зовут – он позабыл начисто, да и помнил благодаря драгоценному своему учителю, профессору Аграновскому, недолго. Зато физиономия этого хмыря, попытавшегося сломать Юрию жизнь много лет назад, в памяти сохранилась: натужная какая-то, красная, словно после излишних возлияний, рожа с небольшими, пронзительными темными глазенками и неожиданно густыми «брежневскими» бровями над ними.

Вообще этот тип страдал явным переизбытком волос: густая, неряшливая шевелюра, не пострадавшая от возраста (явно под пятьдесят), сизые от быстро пробивающейся бороды щеки... Что еще?... Кажется, невысокий, совершенно точно полный, даже толстяк. Разговаривали они единственный раз в жизни, и Юрию запомнились почему-то больше всего его толстые, похожие на перевязанные сосиски пальцы. Пальцы лежали перед ним на столе и постоянно двигались, бесшумно постукивая по черной, как у парты, столешнице.

Разговор происходил в одной из аудиторий консерватории. Юрий, еще не успевший остыть от своей первой в жизни *настоящей победы*, самый молодой из лауреатов Всероссийского конкурса вокалистов в своей номинации, считавший это настоящим чудом для себя, только-только закончившего консерваторию, ощущал какой-то непреходящий, вол-

шебный восторг, в ауре которого жил: двигался, ел, разговаривал, спал. Даже сквозь сон он чувствовал свое счастье от победы... Он не сразу понял, чего именно хочет от него этот жирненький человечек с такими смешными бровями, да еще забавно причмокивающий во время разговора. Он тогда вообще слабо понимал, чем отличается продюсер от импресарио...

— ...Уверяю вас... — он наконец расслышал этого типа, изловившего его в коридоре, где сам он мотался с неопределенной целью, поскольку занятия уже кончились: наступило лето. Такое же холодное и неприветливое, как и нынешний июнь. — Уверяю вас, — повторил толстячок, — что и при двадцати процентах вы станете состоятельным человеком! И я — я! — гарантирую вам не только гастроли, но и известность! Пока — на родине... И, разумеется, блестящую карьеру... Для начала, скажем, в театре Станиславского и Немировича-Данченко... Думаю, мы сговоримся!

Они не сговорились. Поняв, чего именно добивается от него этот человек, представившийся продюсером, Строганов вначале не поверил своим ушам, а потом пришел в настоящее бешенство: восемьдесят процентов своих будущих гонораров в течение пяти — пяти лет! — отдавать ни за что ни про что этому вот мерзкому, а вовсе не забавному типу?! Гарантирующему ему в обмен славу, чуть ли не мировую славу, которой он намеревался достичь сам, честно отдав всего себя музыке, без таких вот мелких мошенников, посмеявшихся

протянуть к нему, а значит, и к самому святому – к музыке! – свои жирные лапы?!

Это тогда Юрий был уверен, что мошенник мелкий, а досадный разговор – не более чем эпизод в его жизни. Толстяка он тогда выкинул из консерватории собственноручно, едва ли не за шиворот... Ему, наивному мальчишке, и в голову в тот момент не могло прийти, чем обернется возмущение, которое он испытал. Справедливое возмущение! Так он думал и сейчас, не только тогда... А понимать начал только после того, как в последнем из музыкальных театров Москвы ему вежливо отказали, даже не потрудившись аргументировать. Не помог ни диплом с отличием, ни «лауреатство». Вот тогда-то он и ощутил себя на краю едва ли не пропасти.

Пора было съезжать из общежития, Юрий больше не являлся студентом. Денег на съемную не только квартиру, но и комнату не было. Вот-вот закрывалась на ремонт консерватория, а следовательно, кончался и доступ к инструменту... Вечером того дня, когда его отказались прослушать в последнем и не самом известном музыкальном театре, вахтер позвал Юрия к телефону, ворча на то, что вынужден был тащиться на второй этаж, где Строганов, бывший студент, существовал на птичьих правах.

По ту сторону провода зазвучал уже знакомый причмокивающий голос, иронично посочувствовавший ему в связи с неудачными попытками «трудоустроиться» и повторивший свое предложение – уже не за восемьдесят, а за восемьдесят

пять процентов...

Юрий Строганов впервые в жизни выматерился и бросил трубку. Он все еще надеялся на помощь Аркадия Ильича Аграновского, который знал об этой возмутительной ситуации и действительно пытался помочь. Могло ли Юрию прийти в голову, что даже его любимый учитель, профессор, которого прекрасно знали и как педагога-вокалиста, и как отличного симфониста-дирижера в Европе, окажется бессилен перед скользким толстяком?.. Или перед теми, кто за ним стоял, – это Строганов понял гораздо позже.

И все-таки именно Аграновский его и спас, именно ему был обязан Юрий всем лучшим, что произошло в его жизни. А тогда – и вовсе возможностью остаться в столице.

В то лето, как всегда, семья профессора выехала на дачу, и Аркадий Ильич приютил Юрия в комнате сына, перспективного пианиста, находившегося на гастролях в Японии. При супруге и дочери это было бы невозможно: ходили слухи, что обе женщины отличаются сварливым нравом... Так была решена проблема крыши над головой и инструмента. А заодно была вместе с профессором подготовлена и новая концертная программа: ария Рудольфа из «Богемы» Пуччини, Германна из «Пиковой дамы», несколько романсов современных и малоизвестных композиторов... Строганов никак не мог понять, для чего вдруг понадобилось разучивать эти не самые красивые и талантливые романсы, пока не наступило время «Московской осени» – традиционного столичного

фестиваля, который, несмотря на финансовые затруднения, проводил Союз композиторов, едва удержавшийся в перипетиях нового времени.

— Именно романсы вошли в программу твоего выступления, — пояснил Аграновский. — Автор сам работает в «Союзе», ты его более чем устраиваешь... Слушай внимательно: если будут бисировать, поешь в зависимости от собственного настроения либо Германна, либо Пуччини. В зале будет находиться мой давний друг, продюсер из Мюнхена. Если ты его заинтересуешь...

На этот раз Юрий Строганов понял все сразу. И то, что мюнхенский продюсер — его первый и последний шанс. И то, что ничего больше сделать для него Аграновский не в состоянии. И то, что слово «мафия», все чаще попадавшееся в нынешних газетах, вызывавшее у него улыбку, вовсе не пустой звук.

Мафия не мафия, но людям, стоявшим за волосатым ублюдком, удалось закрыть перед начинающим солистом все двери, в которые он пытался стучаться.

...К «Московской осени» Строганов готовился даже упорнее, чем к Всероссийскому конкурсу, и волновался куда сильнее. Одна мысль о том, что означает для него провал, повергала Юрия в дрожь. В родной город он возвращаться не собирался: на его родине непременным и обязательным условием профессионального успеха, *настоящего* успеха, была столица, и только столица... О Мариинке, так

же как и вообще о Питере, он предпочитал не думать, уже догадываясь, что и там его встретит в точности такой же и с теми же целями «профессионал».

Единственная надежда – вырваться за рубеж. Любой ценой – так он думал, хотя спроси его, что означает «любой ценой», ответить бы не сумел. Просто знал, что в далеких Штатах возможно существование знаменитого оркестрика из какого-нибудь Далласа или Омахи. А в России – увы: времена, когда можно, проживая в далеком Нижнем, мелькать на экране центральных каналов ТВ, еще были по-прежнему далеки...

Юрий и по сей день не мог бы ответить, как пел на фестивальном концерте. Запомнил только ужас, который испытал, обнаружив, что зрительный зал наполовину пуст: интерес к классической музыке в те годы уже оставлял желать лучшего.

Никакой артистической уборной в Доме композиторов, легкомысленно прозванном его посетителями «Балалайкой», предусмотрено не было. Немного отойдя от выступления, Юрий, как ему и было велено Аграновским, потащился в кафе, расположенное на том же этаже, что и зал – к слову сказать, зал с отвратительной акустикой.

Вот кафе было забито, что называется, «под завязку». Однако профессор и его спутник каким-то чудом все-таки нашли место, да еще за самым дальним, угловым столиком.

Аркадий Ильич помахал Строганову рукой. Юрий начал

пробираться к профессору и его спутнику, который сидел к нему затылком: седоватым, стильно подстриженным. По дороге Юрий прихватил чей-то освободившийся стул, вдруг в панике подумал: на каком же языке будет разговаривать с немцем? Вдруг тот не знает английского?..

Волновался он напрасно: интеллигентный, подтянутый и тогда еще весьма моложавый Фридрих Зальц владел свободно пятью европейскими языками, в том числе, очень прилично, русским.

В кафе они не засиделись, поскольку господин Зальц выразил желание послушать «господина Строганова» еще. Прямо сейчас. Комнату с вполне прилично настроенным старым роялем они нашли быстро – этажом выше: директор Дома, радостно отозвавшийся на ласковое профессорское «Гришенька», вручил им ключи от нее самолично: оказывается, он тоже сидел в кафе с какой-то шумной компашкой. За рояль Аркадий Ильич сел сам, и все дальнейшее слилось для Юрия в одно бесконечное, не желавшее кончаться, несмотря на усталость, пение... Сколько раз он тогда повторил весь свой репертуар? Плюс вокализы, плюс...

Господина Зальца интересовало все: и «верха», и наиболее удобный для Строганова диапазон, и обертоны неудобных «низов», и выносливость исполнителя... Директор по имени Григорий терпеливо сидел тут же, и именно его глаза за толстыми стеклами очков, в которых все ярче разгорался огонек искреннего восторга, помогли тогда Строганову вы-

держат неожиданно устроенное испытание.

Когда все закончилось, шел второй час ночи, Дом композиторов давно уже был пуст – если не считать старушки-вахтерши, не решавшейся, пока не ушел директор, вздремнуть.

– Я вас беру, – коротко, самым будничным голосом сказал Фридрих Зальц. – Надеюсь, Аркадий говорит правду, утверждая, что вы еще и трудолюбивы... Контракт начнем составлять завтра, я работаю, как правило, из двадцати пяти процентов с начинающими и из пятнадцати с, как у вас принято говорить, «раскрученными»...

Юрий кивнул ему дважды, молча: говорить после почти трех часов пения он не рисковал.

Старушка-вахтерша внизу показалась ему на редкость милой и интеллигентной – у нее была снежно-белая стрижка в стиле тридцатых годов, и она очень приветливо проводила их, заперев изнутри за поздними гостями стеклянные двери тамбура.

Директор Дома подмигнул ей и, повернувшись к Фридриху, сказал:

– Знаете, кто подал вам сейчас плащ?

– И кто же?

– Эта дама – внучатая племянница Феликса Эдмундовича Дзержинского... Я не лгу, у меня их двое, близняшки, работают...

– Да что вы говорите?! Не может быть!..

И все заговорили об этой невероятной ситуации, о внуч-

ках Дзержинского (пусть внучатых племянницах, но все же!), подающих композиторам пальто и запирающих за ними двери, об их семейных альбомах, еще о чем-то столь же удивительном... Все, кроме Строганова.

Юрий по-прежнему молчал и думал о том, что все это ему просто снится, в то же время понимая, что – нет, не снится... Особенно нереально все стало выглядеть из-за этой самой внучки Железного Феликса. Прямо чертовщина какая-то!..

Их небольшая компания двигалась к единственной машине, оставшейся на стоянке, светлой иномарке директора Дома. Юрий немного отстал и посмотрел вверх, на небо.

Обычно тускло-красное московское небо оказалось удивительно чистым и бархатисто-синим. На нем спокойно висели, словно клипсы в женских ушках, крупные, сияющие каким-то ненастоящим светом звезды. Как будто они и впрямь были всего лишь бижутерией.

Юрию захотелось плакать – впервые за все то кошмарное лето.

Глава 5

Главный свидетель

– Какой же это перс, прости господи?!

Валерий Померанцев изумленно перевел взгляд с неправдоподобно огромного полосатого кота на участкового и вновь на кота. За его спиной, не сдержавшись, фыркнула Галя Романова. Участковый – солидный пожилой мужчина с заливчатскими буденновскими усами – покраснел и пожал плечами:

– Прощу прощения, товарищ следователь, я в котах не разбираюсь, я собак больше люблю... А тот следователь, что, приезжая на вызов, сказал, что это перс...

– Ага! – ядовито заметил Померанцев. – Перс, но только гладкошерстный и с башкой размером со средней величины дыни сорта «колхозница»! Теперь ясно, почему никто не решился к этой зверюге сунуться...

Участковый снова пожал плечами и хмуро отвернулся: было ясно, что слова следателя он воспринимает как пустые придирки, и вообще при чем тут кошачья порода? Убили-то не кота, а его хозяйку!..

Что касается самого Пуфа, он, словно подтверждая мнение Валерия, издал глухое рычание из угла кухни, в который забился, едва люди переступили порог квартиры, после чего

злобно фыркнул. Кухня в этом доме старой застройки, расположенном рядом с метро «Университет», была просторная и выполняла одновременно роль столовой. Но несмотря на завидную кубатуру и распахнутую форточку, густой кошащий дух успел заполнить не только ее, но и всю квартиру, ударяя в нос прямо в прихожей.

– Как же вы его кормите? – сочувственно поинтересовался Валерий у скромно молчавшей все это время соседки, вошедшей сюда вместе с ними.

– Пуфик меня знает, – слабо улыбнулась Алевтина Борисовна. – Раньше даже о ноги терся, ласкался... Но с того момента, как... В общем, с тех пор он и на меня шипит и близко к себе не подпускает, спасибо, что не кидается... Знаете, он однажды чуть собаку – пуделя – не загрыз... Правда-правда! Тот во время прогулки облаял Машу, а Пуф на него как кинется! Маша еле его за поводок оттащила...

– Кота? За поводок?

– Ну да... Маша его всегда на поводке выгуливала... то есть на прогулки водила: боялась, что убежит, хоть и кастрированный... Вы же видите, он в ошейнике...

Кот и впрямь был в ошейнике, словно собака, правда, под самой мордой на ошейнике болтался кокетливый голубой бант, еще недавно пышный, а в данный момент замызганный и уныло обвисший... Ну и причуды у этих художественных личностей! Прицепить на шею таково злющего зверя дамский бантик!..

– Говорите, раньше он к вам ласкался? – поинтересовалась Галочка у Гудковой.

– Да, до этого кошмара он вел себя несколько иначе, – вздохнула та.

– Ничего удивительного, – покачал головой Валерий, – бедолага оказался свидетелем убийства, не поручусь, что ему тоже не досталось от убийцы, потому и озлобился окончательно... Жаль, что коты не умеют говорить!.. Ну ладно, давайте перейдем к делу... Галя, закрой кухню, чтобы зверь, не ровен час, не вырвался...

– Значит, вы уверены, что ничего из квартиры действительно не пропало? – Валерий внимательно посмотрел на Гудкову, присевшую рядом с ним на изящную полукруглую кушетку, обтянутую бежевым атласом и красовавшуюся посреди гостиной покойной оперной дивы. Вообще, судя по обстановке квартиры, певица тяготела к давно канувшему в Лету стилю рококо... Что ж, искусство, которому Краева себя посвятила, тоже было, с точки зрения Валерия, почти отжившим: любителей оперы в наше время с каждым днем становится все меньше. В основном это люди старшего поколения. Возможно, это его личное заблуждение.

Гудкова между тем, откинув со лба одну из многочисленных русых прядей, торчавших у нее на голове в художественном беспорядке, покачала головой:

– Во всяком случае, ничего из того, что на виду. Относительно драгоценностей я в курсе лишь частично, знаю те

Машины украшения, которые она носила при мне... Они все целы.

– Вы часто общались?

– Довольно часто. Кроме того, когда Маша уезжала на гастроли или на отдых, я, если, конечно, сама находилась в городе, присматривала за квартирой и кормила Пуфа...

– Разве не проще было забирать животину к себе?

– К сожалению, у моей мамы аллергия на шерсть, – пояснила Алевтина Борисовна.

– Какой, по вашему мнению, была Краева? Я имею в виду – каким она была человеком? – поинтересовалась Романова.

– Видите ли... – Гудкова на минуту задумалась, прежде чем начать говорить, взгляд ее теплых карих глаз, устремленных прямо перед собой, сделался отсутствующим. Эта довольно крупная, не отличающаяся красотой женщина, несмотря на «художественный беспорядок» на голове, произвела и на Галю, и на Померанцева хорошее впечатление: от женщины так и веяло уравновешенностью и каким-то особым, домашним уютом.

«Ни за что бы не сказал, – подумал Померанцев, – что она живописец...» По его мнению, все художники должны были быть, во-первых, мужчинами, во-вторых, мужчинами в той или иной степени истеричными и имеющими склонность наряжаться, словно дамочки, в бархатные балахоны и прочие экзотические одежды... На Гудковой был самый обычный халат из мягкой ткани в симпатичный мелкий цветочек.

– Видите ли, – повторила она, – вопрос вы задали довольно сложный, на него за минуту не ответишь.

– Если у вас есть время. У нас его достаточно, – сказал Валерий.

– Куда мне спешить? – Художница вздохнула. – Мама спит, я ей только что укол сделала... В общем, Маша была очень неоднозначным человеком. Мы с ней обе родились и выросли в этом доме, почти ровесницы... Но если меня проблема писательских детей миновала, то о ней этого сказать никак нельзя...

– Что вы имеете в виду? – удивилась Галя.

– А-а-а... Ну да, вы этого не знаете по молодости. – Алевтина Борисовна улыбнулась Романовой доброй, совсем не обидной улыбкой. – Наш дом когда-то, в незапамятные времена, построен Союзом писателей СССР для его же членов. Машин отец, Олег Краев, был в те годы довольно известным драматургом... Во всяком случае, публикуемым, и ставили его часто. Это означало, что материально они жили лучше многих: драматурги среди писателей – самые богатые люди... Во всяком случае, были. Им с каждого спектакля шли авторские...

– А вы тоже дочь писателя? – полюбопытствовала Романова.

– Нет, я – внучка. К тому же дед – он когда-то писал прозу, в основном рассказы и небольшие повести – был из репрессированных, затем реабилитированных, квартиру здесь

дали именно ему – в качестве компенсации за лагерь... Я его помню плохо, он умер – я еще маленькая была. Ну а папа с мамой у меня самые обычные люди: отец – инженер-строитель, мама всю жизнь прожила в домохозяйках. Папа умер четыре года назад...

– Вы упомянули проблему писательских детей, – возвратил разговор в нужное ему русло Померанцев. – Лично я не слышал даже, что она вообще существует... Что-то вроде проблемы «золотой молодежи»?

– Не совсем, – покачала головой Алевтина Борисовна. – Дело не в богатстве родителей, хотя и это, конечно, имеет значение... имело... А в их известности. Дети в таких писательских семьях с пеленок чувствуют, что к ним предъявляются завышенные требования, которые им зачастую не по силам... Они редко дружат со своими родителями и очень часто воспринимают их как соперников – особенно мальчики, если знаменитость – отец... А у Маши в характере с детства были мужские черты... Она своего отца терпеть не могла!

– Удивительно... – пробормотала Галя.

– Ничего удивительного, – не согласилась с ней Гудкова. – Вы только представьте ребенка, который растет в доме, где постоянно происходят какие-то, как теперь выражаются, «тусовки». Застолья со славословиями в адрес отца, переходящие в откровенную лесть... Дети любую фальшь чувствуют и принимают в штыки... А отец при этом млеет от удо-

вольствия, от сознания своей власти над подлизами, и ребенку за него становится стыдно... Про него постоянно забывают, не кормят вовремя, вовремя не укладывают спать, он крутится среди взрослых в самое неподходящее время и все это видит... И постепенно начинает считать своих родителей идиотами, теряет к ним уважение.

– А почему именно лезть? – озадаченно спросила Романова. – Ну я понимаю, если хороший писатель, восхищение... Но лезть?

– Понимаете, – усмехнулась Гудкова, – в те времена печатали и ставили тех, кто имел вес в Союзе писателей, а не тех, кто отличался ярким талантом... Машин отец такой вес имел, был он, как тогда говорили, «просоветским» драматургом... После перестройки его пьесы были забыты моментально!.. Ну а жаждущих стать членом Союза тогда было море – это давало кучу льгот: от дач в Переделкине, бесплатных путевок на юг в дома творчества до частых публикаций в журналах и издания книг.

– Теперь понятно, – кивнул Валерий.

– К этому я и веду: в результате у Маши сформировалось такое отношение к жизни, которое многие считают циничным, хотя это не совсем так. С одной стороны, она твердо решила по-настоящему, собственным талантом, завоевать *настоящую* славу, без компромиссов! А не ту известность номенклатурного драматурга, какая была у ее отца. Избавиться таким образом от пережитого в детстве унижения за него.

С другой – она совершенно не верила ни людям, ни в людей... За редким исключением. В общем, не слишком любила близких...

– Исключением, надо полагать, были вы, – вставил Померанцев.

– Я уже говорила, что мы с Машей вместе выросли. Моя мама во время их домашних застолий частенько забирала ее к нам, иногда с ночевкой... Маша знала меня, как себя, и иногда называла «блаженненькой»... У нее всегда была цель – добиться этой самой подлинной известности, тем более что и талант для этого был. А меня она в этой связи не понимала: почему я, если так хорошо рисую, не стремлюсь к тому же самому, а довольствуюсь своей работой иллюстратора при издательстве... Маша не могла понять, как это у творческого человека может отсутствовать честолюбие, потому что ее собственных амбиций вполне могло хватить на дюжину таких, как я.

– А как она в этой связи относилась к Строганову? – мягко подтолкнул Альбину Борисовну Померанцев.

– Неоднозначно, – вздохнула та. – С одной стороны, Юра казался ей иногда тоже «блаженненьким», хотя и по другим причинам...

– То есть?

– Не знаю, как это сказать, – замялась Гудкова. – Просто Юра, с точки зрения Маши, часто был то ли слишком «правильным», то ли по-провинциальному наивным, что ли... И

если честно, — Альбина Борисовна неожиданно начала краснеть, — лично я не верю, что Машу убил он!

— Вы так хорошо его знали? — поинтересовалась Романова.

— Да нет, не то чтобы хорошо... Просто он Машу любил как-то очень... романтично, наверное... Когда они находились рядом, это было видно!.. Они ведь познакомились давно, в Италии, когда Мария там стажировалась, были оба еще очень молодыми... Потом встретились здесь, и роман снова разгорелся... Продолжился с таким вот огромным перерывом. Юра видел ее теми же глазами, что и тогда, не замечал, что за эти годы Маша стала иной...

— А она стала? — спросил Померанцев.

— В ней появилось больше жесткости, расчетливости... Наверное, даже слишком много. В общем, не лучшие детские качества не исчезли, а окрепли... Юра этого всего не видел, потому что любил Машу...

— А она его?

— Не думаю... Хотя очень гордилась тем, что является любовницей звезды мирового класса, но... В общем, держалась она за него крепко, потому что собиралась с его помощью выбраться на тот же уровень... Со мной Маша не стеснялась говорить все, что думает, привыкла с детства. Знала, что я ее никогда и не подумаю за что-то осудить. Я и не осуждала, потому что знала, какое у нее было детство.

— Н-да... — Валерий покачал головой. — Говорите — не верите, что убил Строганов. Но ведь это — всего лишь эмоции,

а факты, по вашему же свидетельству, против него...

— Ну почему? — Впервые за весь разговор Алевтина Борисовна вдруг разволновалась. — Я много об этом думала, можно сказать, только об этом все время и думаю!.. Да, я видела, как Юра вылетел из подъезда как сумасшедший, бежать кинулся, даже мимо собственной машины поначалу проскочил, потом бросился обратно и только после этого уехал, рванул с места как ненормальный... Но если бы он был убийцей, с какой стати ему так открыто убежать? У нас черный ход всегда открыт: мог бы, между прочим, уйти через него, а потом спокойно подойти к машине, вначале посмотрев на окна — вдруг кто-то не спит, может его увидеть... Выждал бы, что ли... Тем более что его машину среди других даже я бы не углядела!

— Вы сами сказали, — вмешалась Романова, — что Строганов — человек эмоциональный. Такие люди убивают, как правило, в состоянии аффекта, сразу же вслед за этим, осознав, что натворили, впадают в панику, которая вполне объясняет его поведение...

— Я тоже вначале так думала, — упрямо мотнула головой Гудкова. — А потом вспомнила, как следователь... или кто он там... спросил у эксперта, кажется, про «пальчики». Отпечатки пальцев, значит... А тот сказал, что есть на пистолете, а на мебели — ни единого!..

Померанцев усмехнулся и посмотрел на Алевтину Борисовну с симпатией:

– Из вас самой получился бы неплохой следователь. Я согласен: убийца, у которого хватает хладнокровия протереть всю мебель в холле – кстати, на дверных ручках, помимо строгановских, тоже ни одного отпечатка, даже хозяйки квартиры... Словом, вряд ли бы он после этого снова наследил и тем более запаниковал. Думаю, не только благодаря подданству, но и этому факту в том числе, Юрия Валерьевича оставили под подпиской, но на воле... Кстати, насчет черного хода в протоколе осмотра – ни звука... Ладно, разберемся. Спасибо вам, Алевтина Борисовна, за разговор!

– Пожалуйста. – Она смущенно улыбнулась и поднялась. – Я могу идти? А то Пуф орет – голодный... И поддон ему пора поменять...

Только сейчас Померанцев понял, что именно мешало им в последние минуты разговора: со стороны кухни и впрямь доносились подвывающие, жутко неприятные звуки, которые с трудом можно было признать кошачьим мяуканьем.

– Вот бедолага, – пробормотала Галя. – Слушай, Померанцев, а ты не знаешь, кошки могут сходить с ума, например от страха?..

– Не дай бог! – охнула Гудкова. – Тогда придется бедного Пуфика усыплять... Жалко, он всегда был умницей...

Померанцев с сомнением пожал плечами и вопросительно поглядел на участкового, который все это время сидел в дальнем углу гостиной, со скептическим видом глядя в окно: с точки зрения старого служаки, все эти философствования

по части «личности жертвы» были хороши разве что в глупых современных книжонках. В реальной жизни следовало руководствоваться исключительно фактами. А факты в данной ситуации безапелляционно и хладнокровно свидетельствовали против одного-единственного человека.

При чем тут, спрашивается, еще и кот, то ли сошедший, то ли не сошедший с ума от страха?!

Участковый с тоской подумал о том, сколько времени потерял с этими прокурорскими шишками. Им-то наплевать, все равно делать не хрена, кроме как вести пустые разговоры. А ему сегодня еще в трех квартирах побывать надо, выяснить, что за «черных» квартирантов пустили в одну из них, и прижучить родителей нынешних отморозженных подростков в двух других. А еще...

Померанцев, казалось, прочел его мысли, потому что, непонятно усмехнувшись, поднялся с места:

– Еще раз спасибо, Алевтина Борисовна... И вам тоже – за то, что потратили на нас время. – Это относилось к участковому. – Всего доброго!

Уже на улице, садясь в машину, Валерий поинтересовался у молчаливо о чем-то задумавшейся Гали:

– Ну и что ты обо всем этом думаешь, солнце мое?

Не обратив внимания на его довольно легкомысленный тон (задавака Померанцев всегда с ней так разговаривал), девушка ответила вполне серьезно:

– Знаешь, я все больше склоняюсь к мысли, что Строганов говорит чистую правду... Конечно, сбежать с места преступления оттого, что элементарно струсил, поступок, мягко говоря, не мужской... Но для музыканта, наверное, понятный... Даже с учетом, что убили женщину, которую он любил... Но он не лжет. И эта Гудкова вполне логично рассуждает, я с ней согласна.

– М-да!.. Ты хоть представляешь, что это для нас означает? – вздохнул Валерий.

– Представляю. – Галочка тоже вздохнула. – Вот уж твой шеф-то обрадуется очередному «заказняку», да еще и хитрому – с подставой... Ясное дело, копать надо вокруг театра!

– Да погоди ты, – нахмурился Валерий, – не повторяй прокола нашего друга из Мосгорпрокуратуры, не сосредоточивайся на одной версии: убийство с учетом характера жертвы вполне может быть и «бытовухой»... Судя по всему, наша дива вполне могла насолить крепко кому-нибудь не в меру темпераментному и мстительному...

– Ты не забыл, что выстрелов было два? – поинтересовалась Галя.

– Только два! – поднял палец Валерий. – И второй из них – в голову...

– То есть контрольный, – с некоторым торжеством заключила Галя, – а вовсе не случайный, как решили в дежурной бригаде: мол, выстрелили дважды, во время второго жертва падала, потому пуля и попала в голову... Заметь, никто из

соседей выстрелов не слышал. И вовсе не из-за того, что все спали, а стены там в полметра: скорее всего, пистоль был с глушителем, выбросить который этот козел пожалел!..

Померанцев окинул Романову с головы до ног осуждающим взглядом:

– Ну и чему ты в этой связи радуешься? – поинтересовался он. – Забыла, что ли, что мафия бессмертна?..

– Возможно, это и не мафия, – пожала Галочка плечами, – а просто конкуренты?

– Ага! – иронично кивнул головой Померанцев. – Например, руководство Большого театра... Думай, что говоришь-то, а?.. Ладно, садись в машину и поехали к Сан Борисчу, а то опоздаем: к нему через час должен заявиться на допрос наш главный подозреваемый, надо бы пообщаться с шефом до него – во-первых, а лично мне поприсутствовать на собеседовании – во-вторых!

– Если он и подозреваемый, то вряд ли главный, – упрямо мотнула головой Романова, прежде чем нырнуть в салон выделенной им с Померанцевым от щедрот начальства машины – потрепанной, но все еще надежной «девятки» канареечного цвета.

Глава 6

Продюсер с мировым именем

Июнь наконец смилостивился над москвичами, и утро глянуло в окна домов чистым темно-голубым небом. Ослепительно-яркое солнце осторожно поднималось из-за подновленных свежим кармином крыш «сталинок» и выросших между ними за считанные месяцы нарядных сине-белых параллелепипедов. Эти здания, часть из которых нахально втиснулась в устоявшийся старый центр, появились уже на глазах Юрия и почему-то казались ему ненастоящими, чем-то вроде декораций, сколоченных наспех к горячей премьере: настоящее жилье для настоящих людей не могло возникать так быстро, словно ниоткуда...

Это ощущение не покидало Строганова и усиливалось каждый раз, когда его взгляд устремлялся за окно. Возможно, причиной ему было и то, что весь последний год собственная жизнь Юрия напоминала именно спектакль, поставленный каким-то сумасшедшим режиссером, не различающим грани между реальностью и своим бредовым воображением... И вновь: как же он был прав – старый, мудрый Залыц, с беспримерным терпением и неисчерпаемым спокойствием переносивший строгановские требования, более похожие на скандалы, – устроить ему, Юрию, российские га-

строли...

Юрий понимал, что аргументы Фридриха относительно невыгодности предлагаемых контрактов и несостоятельности русских импресарио не причина – предлог. Что на самом деле Зальц боится (прав он был, как всегда!) того, что, вернувшись на родину, Строганов все сделает для того, чтобы осесть там навсегда... А Зальц чувствовал, что Юрий это понимает, и данная цепочка не озвученного ни тем, ни другим понимания была бесконечна. А вслух старый продюсер продолжал упрямо бубнить одно и то же – про жуликов-импресарио и про грабительские контракты.

А потом, во время «домашних» гастролей в Берлинской опере, Фридрих оставил его одного – внезапно и навсегда...

...В тот роковой вечер давали «Богему» Пуччини, партия Рудольфа была у Строганова из любимых, и, как всегда с блеском спев финальную арию, он, разгоряченный аплодисментами – столь бурными и длительными, что дирижер даже вынужден был сделать паузу, – двинулся к своей артистической. Юрий удивился, что Фридриха нет, как обычно, за правой кулисой. Двигался он медленно, сквозь толпу солистов и хористов, не занятых в следующей сцене, поздравлявших его – кто искренне, кто не слишком, кто просто со свойственной арийцам сдержанностью. В итоге Юрий потратил на путь к своей гримерке не менее десяти минут, с трудом удерживая в руках собранные им на сцене, брошенные к его ногам букеты.

– Фридрих?.. – Почему-то запомнилось, что один из букетов он все-таки уронил – уже на самом пороге. А спустя минуту из его рук выпали и все остальные.

Зальц был в уборной. Он сидел в Юрином кресле, перед зеркалом, спиной к входной двери. Два ярких бра по бокам зеркала и одно сверху ярко освещали лицо Фридриха, слегка откинувшееся на подголовник кресла, его неподвижный, уже успевший потускнеть взгляд, устремленный в ту неведомую даль, из которой никому нет возврата... Почему-то Строганов сразу, едва увидев отражение Зальца в зеркальном стекле, понял, что он мертв. Понял, не успев ощутить ни растерянности, ни одиночества, ни того настоящего горя по нему, с кем успел сродниться.

Все это ему предстояло почувствовать позже, когда началась настоящая война с немецкими властями – вначале за то, чтобы похоронить продюсера не так, как положено в Германии, лишь через восемнадцать дней после смерти, а «почеловечески», не позднее, чем на третий-четвертый день... Потом – за то, чтобы проклятые экономные немцы не сожгли тело его опекуна и друга, а опустили в землю...

– Это мы, русские, с их вонючей точки зрения дикари?! – расхаживая по гостиничному номеру, орал он на ни в чем не повинную Лизу, прилетевшую вместе с Сашкой в Берлин, как только он сообщил ей о беде. – Это они – они! – дикари... Я все равно добыюсь, чтобы похоронили как положено!

Сама мысль о том, что тело Зальца будет больше двух

недель коченеть в каком-нибудь жестяном темном пенале здешнего морга, приводила Юрия в неистовство. Не говоря о кремации.

– Землю они экономят, ты только подумай! – бушевал он.

Лиза слушала Юрия молча. А потом вдруг взял – да и расплакался Сашка, и его плач охладил Строганова.

Кое-чего он все-таки добился, заплатив немислимые деньги. Фридриха похоронили через десять дней и, как хотел Юрий, «по-человечески» – в землю... Могила его опекуна и друга была на Лесном кладбище в Берлине. Везти тело в Мюнхен смысла не было, там у Зальца не осталось никого из родных. У него вообще никого и нигде не осталось, и самым близким его человеком давно уже был Юрий. И Лиза... Да, Лизу он уважал и любил, во всяком случае, был к ней привязан, так же как и к маленькому Сашке. У Фридриха с Лу имелись какие-то свои, отдельные от Юрия отношения: Зальц звонил ей иногда с гастролей – не по делу, просто так...

...Берлинские гастроли оказались сорванными – Строганов отказался петь, но неустойку со звезды мирового уже класса взяли по-божески... Переговоры о ней вела Лиза, неожиданно продемонстрировав неведомые до этого Юрию деловые качества. Скидка, причем солидная, сделана была на его искреннее горе, которое холодноватые немцы оказались в состоянии понять. Во всяком случае, в бумагах, которые он позднее подписывал, фигурировало понятие «экстремальных обстоятельств» или что-то вроде этого.

Строганова в тот момент раздражало буквально все. Включая и то, что могилы здесь, оказывается, засыпали тоже «не по-человечески» – вровень с землей...

– Зато, Юра, – успокаивала Лиза, – можно сразу же поставить камень, не нужно ждать, пока могила осядет... Я этим займусь.

...Берлинские гастролы были последними в сезоне. Наступало лето. Конечно, у Фридриха в заначке имелась масса вариантов, уйма предложений, но контракты на следующий сезон, к счастью, подписаны еще не были. Хотя потом, спустя пару лет, «к счастью» или, напротив, «к несчастью», умер Зальц в конце сезона, Юрий обдумывал не раз и не два... Но факт есть факт: после того как камень на Лесном кладбище (самый дорогой, из настоящего черного мрамора) был установлен, Строганов впервые за много лет понял, что жизнь лежит перед ним свободная, как чистый лист, на котором он сам, по собственному разумению, волен написать все, что хочет. А он – знал чего хочет (или думал, что знал).

Недели через три после похорон Фридриха Зальца Юрий Строганов вечером снял в своем номере телефонную трубку и попросил телефонистку отеля соединить его с Москвой, назвав номер, застрявший в памяти со студенческих лет. С Лизой он не посоветовался: если все получится, она, разумеется, будет только счастлива...

Длинные гудки международной связи словно падали в пустоту... Кто сказал, что Розингер и по сей день проживает по

этому адресу и у него тот же телефонный номер?.. Сердце, заколотившееся было с удвоенной скоростью, разочарованно замедлило свой ритм. И в этот момент трубку в далекой Москве сняли.

– Да? – Голос был женский, приятный.

– Простите... Могу я услышать Марка?.. Марка Розинге-ра?.. Здравствуйте! – От волнения поздоровался он в самом конце фразы.

Женщина не выдержала – рассмеялась. А потом голос ее стал потише, видимо, она отстранилась от телефона. Но Юрий все равно расслышал ее зов: «Маркоша, иди, это тебя!..» И Юрий едва не рассмеялся от радости, хотя связь с другом студенческих лет за суетой жизни прервалась, пожалуй, лет пять назад... Или больше?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.